

Федеральное агентство по образованию
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Д.В. Иванов

ПАРАДИГМЫ В СОЦИОЛОГИИ

Учебное пособие

Изд-во
ОмГУ

Омск
2005

УДК 301
ББК 60.5я73
И 201

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензенты:

*декан филологического факультета ОмГУ доктор философских наук,
профессор Н.Н. Мисюров;
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных
коммуникаций ОмГУ Н.П. Махова*

Иванов, Д.В.

И 201 Парадигмы в социологии: учеб. пособие. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – 72 с.

ISBN 5-7779-0624-9

В учебном пособии систематически и в доступной форме представлены основные теоретические подходы, определяющие направление и характер социологических исследований. Рассматриваются концепции классиков структурного функционализма (Т. Парсонс, Р. Мертон), исторического материализма (К. Маркс, Ф. Энгельс), критической теории (М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Т. Адорно), теории социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), теории рационального выбора (Дж. Коулмен), символического интеракционизма (Г. Блумер, И. Гоффман), феноменологической социологии и этнометодологии (П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель), теории коммуникативного действия (Ю. Хабермас), теории структуризации (Э. Гидденс), конструктивистского структурализма (П. Бурдье), теории самореферентных социальных систем (Н. Луман), постмодернистской социальной теории (М. Фуко, Ж. Бодрийяр). Анализируется проблема мультипарадигмальности в современной социологии и дается авторское решение этой проблемы.

Для студентов специальности «Социология».

**УДК 301
ББК 60.5я73**

ISBN 5-7779-0624-9

© Иванов Д.В., 2005
© Омский госуниверситет, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Понятие парадигмы	4
1. Макросоциологические парадигмы	
1.1. Структурный функционализм	6
1.2. Исторический материализм (марксистская парадигма)	11
1.3. Критическая теория общества (неомарксистская парадигма)	16
2. Микросоциологические парадигмы	
2.1. Теория социального обмена	21
2.2. Теория рационального выбора	24
2.3. Символический интеракционизм	28
2.4. Феноменологическая социология	31
2.5. Социальный акционализм	35
3. Проблема мультипарадигмальности в социологии	
3.1. Дилеммы теоретической социологии	38
3.2. Интегративные парадигмы	43
3.3. Теоретическая социология как дискурсивная формация	56
3.4. Теоретическая социология как система теоретических моделей	59
Заключение	66
Тесты	67
Задание для самостоятельной работы	69
Список рекомендуемой литературы	70

ВВЕДЕНИЕ. ПОНЯТИЕ ПАРАДИГМЫ

Структуру и характер научного содержания современной социологии невозможно понять без учета того, что помимо дифференциации по видам и аспектам исследовательской деятельности в социологии существуют различия между принципиальными теоретическими подходами, определяющими стратегию и направляющими ход исследования, то есть дающими ответы на вопросы что, как и зачем исследуется. Эти различия проявляются в существовании внутри социологии конкурирующих школ и направлений исследования, обозначаемых по принадлежности к той или иной концептуальной традиции: позитивистская социология, марксистская социология, критическая социология, интерпретативная социология, феноменологическая социология и т. п. Основой для развития и существования в социологии различных научных направлений является приверженность социологов различным *парадигмам*.

Парадигма – это концепция, принятая в данном научном сообществе в качестве образца постановки и решения исследовательских проблем.

Понятие «парадигма» (от греч. *παράδειγμα* – пример, образец) в социологию было введено американским историком и социологом науки Томасом Куном (1922–1994). В ставшей знаменитой книге «Структура научных революций» (1962) Кун назвал парадигмами научные концепции, достаточно беспрецедентные, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников и в то же время достаточно открытые, чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида. В истории физики, например, Кун выделяет в качестве парадигм классические труды Аристотеля и Ньютона. Труды Аристотеля служили в Античности и Средневековье непререкаемым образцом постановки и решения проблем при изучении природных явлений, а в Новое время их заменили в качестве образца труды Ньютона. Переход научного сообщества от одной парадигмы к другой лежит в основе научных революций. Увлеченные новой парадигмой ученые получают новые средства исследования и изучают новые области. Но важнее всего то, что в период революций

ученые видят новое и получают иные результаты даже в тех случаях, когда используют обычные инструменты в областях, которые они исследовали до этого. Смена парадигмы приводит к тому, что ученые видят мир их исследовательских проблем в ином свете. Можно даже сказать, что после научной революции они имеют дело с иным миром.

Ситуация в современной социологии несколько отличается от модели развития науки, предложенной Куном. Руководствуясь данным им определением, можно выделить три главных признака существования парадигмы:

1) наличие оригинальной концепции, которая служит универсальным инструментом описания и объяснения исследуемых явлений;

2) наличие классиков, труды которых служат образцом разработки концепции и ее применения в исследовании конкретных явлений;

3) наличие научного сообщества, которое использует концепцию и опирается на труды классиков при формулировке и решении новых исследовательских проблем.

В социологии существует сразу несколько научных направлений, характеризующихся этими тремя признаками. На этом основании некоторые исследователи считают, что социология находится в кризисе, переживает период научной революции. Однако другие исследователи полагают, что одновременное существование множества парадигм не является свидетельством кризиса, что социология – это *мультипарадигмальная* наука. Идею о мультипарадигмальности как нормальном состоянии для социологии впервые обосновал в середине 1970-х гг. известный американский социолог Джордж Ритцер. Мультипарадигмальность означает, что с появлением новой парадигмы созданные раньше не исчезают, а увеличивающееся концептуальное разнообразие позволяет описывать и объяснять различные аспекты таких сложных явлений и процессов, каковыми являются социальные феномены.

Из общего множества парадигм, существующих в современной социологии, можно выделить основные, наиболее часто применяемые в социологических исследованиях и привлекающие наибольшее число ученых.

1. МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

1.1. Структурный функционализм

Структурный функционализм – это научный подход, основывающийся на рассмотрении общества как системы – внутренне дифференцированной и упорядоченной целостности, части которой – структурные элементы, вносящие вклад в поддержание системы, в ее воспроизводство. *В качестве социальных структур рассматриваются любые устойчивые образцы, или паттерны* (от англ. pattern – образец, шаблон), *деятельности людей. Вклад каждой социальной структуры в воспроизводство социального порядка, то есть ее положительная роль в социальной системе, – это функция данной структуры.* Именно функциональность, полезность для социальной системы каких-либо действий обуславливает их закрепление в качестве элементов системы, то есть превращение в паттерн – образец.

Логика исходной концепции определяет стратегию социологического исследования как структурно-функционального анализа. Социолог, наблюдая какое-либо социальное явление, стремится выявить его функции и тем самым дать *функциональное объяснение* факта его существования. Есть два пути структурно-функционального анализа. Первый путь – определить те условия, выполнение которых необходимо для существования социальной системы, и выявить в системе структурные элементы, способствующие выполнению этих условий. То есть, имея представление о функциях, выяснить соответствующие им структуры. Второй путь – описать те структуры, которые обнаруживаются в исследуемой системе, и выявить влияние этих структур на воспроизводство системы. То есть, имея представление о структурах, определить свойства и функции.

Образцом первого типа стратегии структурно-функционального анализа служит теория социальных систем, разработанная классиком структурного функционализма в социологии, выдающимся американским исследователем Талкоттом Парсонсом (1902–1979) в таких работах, как «Структура социального действия» (1937) и «Социальная система» (1951). Согласно Парсонсу, чело-

веческое действие – это сложная система, подсистемами которой являются организм (биологическая система, обеспечивающая физическую возможность действовать), личность (психическая система, обеспечивающая выработку целей действия), социальная система (нормативная система, обеспечивающая комбинацию целей и средств действия, приемлемую с точки зрения окружающих), культура (ценностная система, обеспечивающая поддержание в качестве традиций целей, средств и норм, регулирующих действие).

Социальная система, как подсистема общей системы действия, также состоит из четырех подсистем, поскольку любая система стабильно существует, если в ней выполняются четыре условия:

1. Система должна быть адаптирована к окружающей среде, то есть в случае социальной системы должна быть приспособлена к особенностям природы человека как биологического организма и как личности, к особенностям физико-органической среды обитания людей, чью жизнедеятельность данная система организует и упорядочивает, к особенностям культуры как системы ценностей.

2. Система должна быть саморегулируемой, то есть при изменении в окружающей среде в системе должны вырабатываться цели – направления изменений структуры и функционировать механизмы реализации этих целей.

3. Система должна быть внутренне интегрирована, то есть между ее элементами должны поддерживаться устойчивые связи, и функционирование элементов должно быть скоординированным.

4. Система должна быть структурно стабильной, то есть в состоянии адаптированности к окружающей среде сложившаяся структура системы должна воспроизводиться в качестве образца сколь угодно долгое время.

Эти четыре требования обуславливают необходимость осуществления в любой социальной системе четырех функций, которые Парсонс назвал, соответственно, *адаптация, целедостижение, интеграция, поддержание латентного образца*. По первым буквам английских названий функций «adaptation», «goal attain-

ment», «integration», «latent pattern maintenance» концепцию Парсонса принято именовать схемой AGIL*.

Схема AGIL может служить универсальным аналитическим инструментом. С ее помощью можно исследовать, например, общество как систему, в которой экономика выполняет функцию адаптации (A), обеспечивая людей средствами к существованию; политика – функцию целедостижения (G), обеспечивая принятие решений и управление деятельностью людей; право и социальные общности – функцию интеграции (I), обеспечивая скоординированность и бесконфликтность действий людей; образование и семья – функцию поддержания образца (L), обеспечивая передачу от поколения к поколению принятых форм и способов деятельности (рис. 1).

A организм – биологическая система	G личность – система мышления	
L культура – система ценностей	I общество – социальная система	
	экономика (A)	политика (G)
	семья, образование (L)	право, общности (I)

Рис. 1. Структура общей системы действия и социальной системы

Ту же схему AGIL можно успешно применять и в анализе других социальных систем. Например, с ее помощью можно выявить структурные элементы, необходимые для поддержания учебного заведения как социальной системы. Бухгалтерия и адми-

* Парсонс использовал определение «латентное» в отношении поддержания образца, чтобы подчеркнуть, что стабилизация структуры социальной системы происходит неявно, посредством усвоения людьми ценностных ориентаций и норм поведения в качестве естественных, само собой разумеющихся.

нистративно-хозяйственная часть выполняют функцию адаптации, обеспечивая сотрудников и учащихся средствами для их деятельности; кадровая служба, приемная комиссия и аттестационная комиссия – ту же функцию адаптации, но уже обеспечивая приспособленность системы к потребностям общества; ученый совет, ректорат, деканаты – функцию целедостижения, обеспечивая организацию учебного процесса; коллективы (кафедры, студенческие группы, профсоюзные организации) – функцию интеграции, обеспечивая четкое распределение прав и обязанностей, единство и упорядоченность действий преподавателей, учащихся и технического персонала. Функцию поддержания образца выполняют структуры, передающие традиции: формально – кураторство и научное руководство, неформально – структуры, складывающиеся при взаимодействии между учащимися старших и младших курсов (ритуалы «посвящения», студенческие общины, «дедовщина» и т. п.).

Образцом второго типа стратегии структурно-функционального анализа служат работы еще одного классика структурного функционализма американского социолога Роберта Мертона (1910–2003), в особенности его книга «Социальная теория и социальная структура» (1949). Мертон критиковал Парсонса за то, что с помощью унифицированной жесткой схемы AGIL все многообразие социальной реальности подгоняется под идеализированное теоретическое представление. Согласно Мертону, следует не постулировать функциональность всех социальных структур – паттернов, а выявлять значение каждой из них для людей, чья деятельность организуется и регулируется структурами, и тип влияния этих структур на систему.

Мертон разделил функции на явные и латентные. *Явная функция – это распознанный и ожидаемый результат существования структурного элемента системы. Латентная функция – это нераспознанный и непредусмотренный результат существования структурного элемента.* Например, явная, то есть очевидная для преподавателей, студентов, членов их семей, администраторов учебных заведений и работодателей, функция высшего образования – обеспечение молодежи знаниями и навыками, необходимыми для профессиональной деятельности. Латентными же функциями можно считать нахождение молодыми людьми брач-

ных партнеров, близких по социальному положению, и формирование особого стиля жизни – предпочтений в одежде, в проведении свободного времени, манеры общаться и т. д.

Мертон также указал на то, что структурные элементы не всегда функциональны. Результатом существования структурного элемента может быть *дисфункция – вредное воздействие на систему, нарушающее ее стабильность и нормальное воспроизводство.* Люди часто расходятся во мнениях, когда речь идет о том, что полезно и что вредно. Например, то, что высшее образование дает возможность избежать призыва на военную службу, рассматривается сотрудниками военкоматов как явный вред, а студентами и их родителями как явное благо. Однако в структурном функционализме дисфункцией называется вред не с точки зрения осуществления целей людей, а с точки зрения существования социальной системы. В этом смысле дисфункцией высшего образования следует считать нарушение интегрированности системы, создание конфликта между ее структурными элементами – функционированием военного ведомства, нуждающегося в солдатах, и функционированием гражданских предприятий и организаций, нуждающихся в квалифицированных специалистах. Также дисфункцией можно считать создание многочисленной категории амбициозных и продуктивно мыслящих людей, часть которых в ситуации недостатка возможностей для успешной карьеры в рамках существующей системы находит новые, подрывающие систему способы достижения жизненных целей: участвует в организации «теневых» бизнеса или радикальных социальных движений.

Введенное Мертоном представление о латентных функциях и дисфункциях позволило анализировать конфликты и изменения в системе и тем самым несколько скорректировало парсонсовскую трактовку социальных систем как внутренне единых, устойчивых и упорядоченных образований. Однако в общем структурно-функциональная парадигма сосредоточена на рассмотрении устойчивых образцов деятельности и не вполне учитывает роль социальных конфликтов и изменений, порождаемых неравенством и отчуждением людей друг от друга и от социальных структур.

1.2. Исторический материализм (марксистская парадигма)

В отношении внимания к неравенству, отчуждению и конфликтам альтернативной структурному функционализму парадигмой является *исторический материализм*. Это подход, опирающийся на концепцию современного общества как системы отношений, основывающихся на неравном распределении экономически значимых ресурсов между людьми, чью жизнедеятельность данная система организует и упорядочивает. Все отношения в системе – экономические, правовые, политические, религиозные, семейные и пр. – рассматриваются как формы закрепления неравенства, господства привилегированных категорий людей и эксплуатации обездоленных и дискриминируемых. Исследование причин неравенства и эксплуатации должно дать знание, которое можно использовать для организации коллективной борьбы за преобразование системы в справедливый и гуманный социальный порядок.

Образцом для исследователей, придерживающихся концепции исторического материализма, служат работы основоположника этого направления в социологии немецкого философа и экономиста Карла Маркса (1818–1883). В своих работах «Экономическо-философские рукописи» (1844), «Тезисы о Фейербахе»* (1845), «Немецкая идеология» (1846), «К критике политической экономии» (1859) и др. Маркс противопоставил материалистическое понимание истории, под которой понимается процесс развития общества, «идеалистическим» социально-философским концепциям, объяснявшим исторический процесс, исходя из духовных факторов: эволюции идей, воли великих людей или целых народов, развития человеческого духа и т. д. Материалистический подход предполагает, что исходным моментом и движущей силой исторического процесса является производство материальных условий жизни людей. Чтобы иметь возможность творить историю, люди должны быть обеспечены хотя бы минимумом средств к существованию. Поэтому научный анализ устройства и развития

* Людвиг Фейербах – немецкий философ XIX в., материалистическое учение которого оказало сильное влияние на идеи Маркса.

общества должен начинаться с анализа практической деятельности, обеспечивающей людей пищей, одеждой, жильем.

Наряду с «идеализмом», Маркс критиковал «созерцательность» предшествующей философии. Социально активная позиция исторического материализма отчетливо выражена в «Тезисах о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир, в то время как дело заключается в том, чтобы изменить его». По мысли Маркса исторический материализм должен дать то знание законов общественного устройства и развития, используя которое можно преобразовать современную общественную систему в гуманное и процветающее сообщество свободных людей.

Исходной категорией исторического материализма является понятие труда. Труд определяется Марксом как сущностная функция человека. Именно в процессе труда, то есть целесообразной деятельности по преобразованию внешней материальной среды в средство для жизни, человек сохраняет и развивает свою сущность как разумного, деятельного и социального существа. Сущность человека, по Марксу, есть не абстракт, принадлежащий отдельному индивиду, а вся совокупность исторически сложившихся общественных отношений. Таким образом, труд – это не просто работа, затрата усилий или способ добыть средства к существованию, труд – это еще и социальное отношение.

Совокупный труд людей – это общественное производство. Если в экономической науке это понятие имеет лишь один смысл – производство силами, в масштабах всего общества, то в историческом материализме оно выступает и в экономическом, и в социологическом значении – как производство общества. Техно-экономический процесс создания материальных благ одновременно является процессом создания и поддержания системы социальных отношений. В процессе общественного производства своей жизни люди, знают они о том или нет, с необходимостью вступают в отношения, которые Маркс определил как *производственные отношения*. Речь у Маркса идет не просто о технико-организационных, а о *социальных* отношениях, которые возникают в процессе производства.

Ядро производственных отношений образуют отношения собственности. Собственность как экономический институт Мар-

кса интересует лишь в той мере, в какой она является социальным отношением – основой классовой структуры общества. *Социальный класс – это категория статусов, то есть устойчивых позиций, занимаемых людьми в системе отношений друг с другом, выделяемая на основе позиций, занимаемых ими в системе распределения функций и результатов материального производства.* Классовую структуру образуют два основных класса: класс собственников экономически значимых ресурсов – *средств производства* и класс лишенных такого рода собственности. Собственность на средства производства определяет позицию господства в экономических отношениях. Господствующий класс осуществляет организацию производства и контроль над распределением его результатов. Отсутствие собственности на средства производства определяет позицию зависимости. Зависимый класс эксплуатируется в качестве источника рабочей силы, поскольку его представители для того, чтобы получить хотя бы небольшую часть результатов использования средств производства, вынуждены работать на условиях, диктуемых представителями класса собственников.

Экономическое господство класса собственников средств производства приводит к превращению всех форм социальных отношений в отношения неравенства, господства и эксплуатации. Это объясняется тем, что совокупность производственных отношений составляет *базис* всей системы социальных отношений, а политические, правовые, семейные, религиозные и иные отношения, а также способы осознания и оценки людьми этих отношений образуют *надстройку*, структуры которой по-своему воспроизводят структуру производственных отношений (рис. 2, с. 14).

Схема «базис – надстройка» может служить универсальным инструментом анализа социальных явлений.

Например, высшее образование придает различиям в классовой принадлежности форму различий в персональных качествах – в уровне знаний, таланта, профессиональной пригодности и т. п.

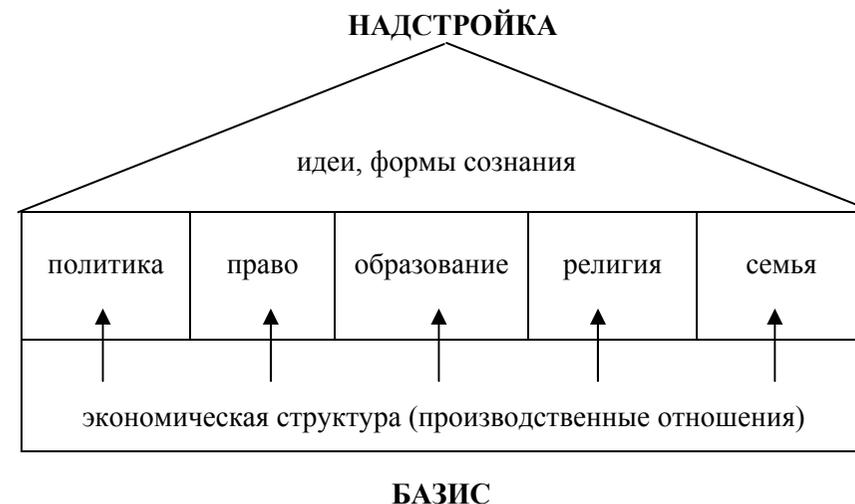

Рис. 2. Марксистская модель системы общественных отношений

Собственность на экономически значимые ресурсы (материальные активы предприятий, банковские счета, право на занятие высокооплачиваемой профессиональной деятельностью и т. п.) обуславливает высокий доход, часть которого можно использовать для покрытия необходимых расходов в тот период, когда человек только учится и не зарабатывает. В результате диплом о высшем образовании и право на более высокооплачиваемую работу выходцы из семей, принадлежащих к экономически господствующему классу, получают – как правило, а выходцы из семей, принадлежащих к эксплуатируемому классу, – как исключение. Конечно, в целом высшее образование стало в последние десятилетия более массовым. Если 50 лет назад высшее образование имел примерно каждый 30-й житель России старше 22 лет, то теперь примерно каждый 5-й. Но при большей доступности высшего образования в целом в нем в последние 10–15 лет выделилась категория наиболее перспективных с точки зрения будущей карьеры и престижных вузов и факультетов – экономические (в том числе готовящие менеджеров), юридические, где процент учащихся – выходцев из семей с высоким уровнем доходов выше, чем на остальных факультетах. Таким образом, система высшего образова-

ния воспроизводит классовую структуру через поддержание соответствия между распределением собственности на экономически значимые ресурсы и распределением шансов получить профессиональные знания и сделать карьеру в определенных областях деятельности.

Вся совокупность общественных отношений, в которой структуры базиса и надстройки скреплены подобной цепью взаимных соответствий, называется у Маркса общественной формацией. История – это процесс развития и смены формаций. В работе «К критике политической экономии» Маркс выделил четыре формации – «азиатскую», «античную», «феодалную», «буржуазную». Каждая формация представляет собой историческую ступень в развитии производственных отношений и сменяется другой формацией только, когда разовьются принципиально новые *производительные силы*, то есть появятся новые технологии и новые ресурсы, использованию которых существующие производственные отношения препятствуют. В этот исторический момент начинается *социальная революция* – длительный (до 2–3 столетий) процесс вытеснения новыми производственными отношениями и новой классовой структурой старых отношений и структур. Социальная революция протекает как классовая борьба – конфликт сторонников старого образа жизни, олицетворяемого старым господствующим классом, и сторонниками нового образа жизни, представляющими новый класс собственников. Социальная революция завершается с созданием новой надстройки – новых систем государственной власти, законодательства, образования, соответствующих новому базису.

В форме классовой борьбы происходит и развитие социальных отношений внутри формации, то есть отношений, в основе которых лежит единый базис. Это борьба внутри установившейся классовой структуры за изменения в условиях труда и за перераспределение результатов производства. Такого рода классовую борьбу между буржуазией (предпринимателями-капиталистами) и пролетариатом (наемными работниками) в середине XIX в. Маркс принял за начало новой социальной революции. Поэтому он в написанном совместно с Фридрихом Энгельсом* «Манифесте ком-

* Фридрих Энгельс (1820–1895) – английский фабрикант немецкого происхождения, поддерживавший и пропагандировавший философские, экономические и политические идеи Маркса.

мунистической партии» (1848) провозгласил скорую гибель буржуазной, капиталистической формации и построение рабочим классом коммунистического общества, в котором не будет собственности, неравенства, эксплуатации и государственной власти. Однако коммунистическое общество до сих пор остается лишь идеей. Эта ошибка в прогнозе* вызвана характерным для марксистской социологии преувеличением роли классового сознания и революционного потенциала эксплуатируемого класса, а также недооценкой общности ценностей, стереотипов мышления и поведения, интегрирующих и стабилизирующих современное общество.

1.3. Критическая теория общества (неомарксистская парадигма)

Альтернативой классическому марксизму в отношении оценки интегрированности современного общества является неомарксистская *критическая теория общества*. Это подход, опирающийся на концепцию общества как системы тотального, всепроникающего контроля. *В отличие от классического марксизма, в неомарксизме контроль связывается не с прямым принуждением и эксплуатацией со стороны господствующего класса, а с незаметной для людей, происходящей исподволь трансформацией естественных для человека влечений в «ложные» потребности, удовлетворение которых ведет не к свободному развитию личности, а к укреплению сложившегося социального порядка.* Все сферы жизнедеятельности, регулируемые системой, – экономика, политика, искусство, образование, религия, семья и пр. – рассматриваются как проявления господствующей *рациональности* – способа восприятия, осмысления и организации человеком окружающего мира и своей жизни. Исследование господствующего типа рациональности и альтернативных форм рациональности, прояв-

* Опыт России в XX в. также опровергает этот прогноз. Экономическая структура так называемого социализма воспроизводит основное отношение капитализма: работник без средств производства и наниматель, предоставляющий их, организующий производство и контролирующий распределение. То, что в качестве нанимателя выступало от имени всего общества государство, существа дела не меняет. Государственная «социалистическая» собственность – это разновидность капиталистических производственных отношений.

ляющихся в образе жизни *аутсайдеров* (от англ. outside – вне, за пределами), то есть сообществ, не интегрированных в систему и потому свободных от нее, должно выявить перспективу *эмансипации* (от лат. emancipatio – освобождение), то есть направление трансформации общества в более свободное и гуманное.

Образцом для исследователей, придерживающихся концепции критической теории, служат работы основателей этого направления в социологии – германских ученых Макса Хоркхаймера (1895–1973), Герберта Маркузе (1898–1979), Теодора Адорно (1903–1969).

Хоркхаймер и Адорно в совместной работе «Диалектика просвещения» (1947) представили концепцию развития современной западной цивилизации в результате просвещения – процесса эмансипации мышления и поведения человека от власти мифологии. Но с отделением принципа разума от принципа веры происходит и замещение отношения к миру и жизни на основе поиска сущности, смысла вещей *инструментальной рациональностью* – отношением на основе определения полезности, утилитарной функции вещей. Рационализация жизнедеятельности людей привела к созданию производительной экономической системы, эффективного государственного аппарата, общедоступной массовой культуры (включая образование), но одновременно к превращению людей из самостоятельных субъектов мышления и действия в объекты манипулирования. Инструментальная рациональность сводит человеческий разум к регистрации фактов, следованию правилам, подбору средств для достижения целей и подавляет воображение, интуицию, спонтанность мышления, эмоциональность. Поэтому, чем более рационален человек, тем больше он подчинен предписанным стандартным и безличным образцам поведения. Рационализация подавляет внутреннюю – биологическую и психическую природу человека, который является изначально существом спонтанным, склонным к игре и немедленному удовлетворению влечений. И чем рациональнее общество, тем сильнее и чаще проявляется «бунт природы» – массовое иррациональное поведение (ксенофобия, агрессия, фанатизм, поклонение вождям и т. п.). Тоталитарные режимы в XX в. и Вторая мировая война – это, согласно Хоркхаймеру и Адорно, логичный результат рацио-

нализации. В этом и заключается диалектика: просвещение превращается в собственную противоположность – современное варварство. В тотально рационализированном обществе сферами свободы и потенциалом общей эмансипации остаются лишь не подчиненные инструментальной рациональности искусство (творчество художественного авангарда), а также любовь и сексуальность (спонтанность чувств и естественные импульсы).

Маркузе в работе «Одномерный человек» (1964) определил современное общество как общество комфортабельной *несвободы*, в котором действуют *новые формы контроля*. Основная среди этих форм – потребление. Продукты, услуги, развлечения, удовлетворяя потребности, одновременно несут с собой предписываемые образцы поведения и мышления, которые привязывают потребителей к производителям и через этих последних – к обществу. Аппарат производства, торговли, рекламы предоставляет людям не просто товары – он «продает» им социальную систему в целом. Вовлечение в процесс потребления – более рациональный способ подчинения и нейтрализации революционного потенциала рабочего класса, чем политическая пропаганда или репрессии. Формами контроля становятся также массовая культура и сексуальность. Массовая культура не просвещает, не вскрывает сущности явлений, а информирует и развлекает, то есть несет образы и идеи, не выходящие за пределы существующего порядка вещей. Массовая культура превращает в предмет коммерции и тем самым интегрирует в существующую социальную систему любой художественный авангард. Сексуальность в массовой культуре (кино, телешоу, литературе, рекламе и даже специальных учебных курсах) и повседневном общении и взаимодействии людей культивируется как необходимый компонент личности, как форма самовыражения и самоутверждения. Тем самым спонтанные чувства и естественные импульсы приобретают характер социально обусловленных образцов поведения и мышления, и удовлетворение влечений происходит в «социально конструктивных» формах.

Развитие новых форм контроля приводит к тому, что существующий социальный порядок становится единственным измерением, в котором разворачивается бытие человека, чьи мышление и поведение определяются *технологической рациональностью* –

отношением к миру и собственной жизни на основе принципов функциональности, эффективности, управляемости. *Одномерности* системы и людей, чью жизнь система организует и регулирует, Маркузе противопоставляет «*негативную свободу*» аутсайдеров – безработных, молодежи, женщин, общин хиппи^{*}, этнических и сексуальных меньшинств. Экономическая свобода означает свободу от экономики, то есть уклонение от участия в конкурентной гонке, от работы на корпорации ради потребления их же продукции. Политическая свобода – это свобода от политики, неучастие в политическом торге по правилам буржуазной демократии или в социалистической имитации народовластия. Интеллектуальная свобода – это свобода от принятого образа мыслей, уход из-под контроля так называемого общественного мнения и средств массовой информации. «Великий отказ» аутсайдеров от господствующего образа жизни Маркузе объясняет тем, что в их деятельности (или по меркам системы бездеятельности) проявляется *посттехнологическая рациональность* – альтернативное отношение к миру и своей жизни, основанное на принципах удовольствия, любви, терпимости. Маркузе полагал, что носители посттехнологической рациональности – это та новая революционная сила, которая подрывает одномерное общество и способствует трансформации его в свободное и гуманное общество.

Критическая теория явно переоценивает революционный потенциал аутсайдеров. Их ценности и образ жизни со временем превращается из протеста, вызова системе в ресурс ее развития, в структурные элементы общества. Так, в начале XX в. было интегрировано в социальную систему рабочее движение, затем в середине века искусство андеграунда^{**} и сексуальная революция^{***}, а в

* Хиппи (англ. hippie) – люди, отрицающие общепринятые ценности материального благополучия и успешной карьеры и придерживающиеся возникшего в 1960–1970-х гг. стиля жизни, нарочито простого и неутилитарного. Стереотипными символами образа хиппи стали длинные волосы, поношенные джинсы и «фенечки» – украшения (бусы, браслеты) из дешевых материалов (кожи, дерева, бисера и т. п.).

** Андеграунд (от англ. underground – подпольный) – не признанное официально, отрицающее господствующие каноны художественное направление.

*** Сексуальная революция – резкое изменение ценностей и поведенческих образцов, связанных с проявлениями сексуальности. Следствиями сексуальной

конце века этнические и сексуальные меньшинства, экологическое и феминистское движения. Но эта тенденция подтверждает правоту критической теории в другом аспекте.

Критическая теория хорошо описывает и объясняет целостность общества и его способность интегрировать в себя любую оппозицию, и поэтому *схема «новые формы контроля – интеграция общества» может служить универсальным инструментом анализа социальных явлений*. С этой точки зрения, например, образование – это также форма контроля. Помимо собственно учебной программы в процессе образования усваивается так называемая *скрытая программа*, то есть происходит внедрение идей и поведенческих образцов, способствующих поддержанию существующего социального порядка. Современная система образованияощрает тех, кто успешно осваивает практически полезные факты и формулы, то есть знания, обеспечивающие карьерный рост и жизненный успех. Тем самым образование культивирует инструментальную (технологическую) рациональность и одновременно с профессионализмом внедряет конформизм – установку на поведение, согласующееся с господствующими нормами, убежденность в разумности и безальтернативности существующего общества.

Несмотря на очевидные расхождения в трактовке социальных явлений и процессов, структурному функционализму, историческому материализму, критической теории общества присуща общая *макросоциологическая* ориентация, то есть сфокусированность внимания исследователей на выявлении *социальных структур*, которые образуют общество как целое, как систему, предопределяющую, в общем, поступки и образ жизни людей.

революции являются увеличение значимости сексуальности в жизни людей, достижение большей сексуальной свободы.

2. МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Альтернативу макросоциологическим парадигмам создают парадигмы, которым свойственна *микросоциологическая* ориентация – сфокусированность внимания исследователей на объяснении и понимании межиндивидуальных *взаимодействий* в конкретных ситуациях.

2.1. Теория социального обмена

Теория социального обмена – научный подход, основывающийся на концепции социального взаимодействия как процесса обмена, каждый участник которого получает выгоду в результате действий других участников и, в свою очередь, совершает действия, приносящие им выгоду. В качестве выгод рассматриваются как материальные блага, так и нематериальные, символические блага – знаки уважения, престижа, положительные эмоции и т. п. Совершение людьми поступков, полезных для других людей, объясняется наличием *ожиданий**, то есть устойчивых представлений о том, что в ответ на свои действия они получают пользу от действий других людей. Подтверждение ожиданий в процессе межиндивидуального взаимодействия закрепляет обмен поступками в качестве поведенческого образца – своего рода «социального рефлекса», связывающего в сознании индивидов определенные действия как стимулы и реакции.

Образцом для исследователей, использующих концепцию социального обмена, являются работы основателей этого направления – выдающихся американских социологов Джорджа Хоманса (1910–1989) и Питера Блау (1918–2002). В работе «Социальное поведение: его элементарные формы» (1961) Хоманс сформулировал пять положений, объясняющих индивидуальное поведение стремлением к поддержанию социального обмена:

1) *чем чаще отдельное действие индивида вознаграждается, тем чаще он (она) стремится совершить это действие;*

2) *если какой-либо стимул привел к действию, которое было вознаграждено, то при повторении такого стимула индивид будет стремиться повторить соответствующее действие;*

3) *чем более ценным является для индивида определенный результат действия, тем сильнее он (она) будет стремиться совершить действие, направленное на достижение этого результата;*

4) *чем чаще в прошлом индивид получал определенное вознаграждение, тем менее ценным будет для него (нее) повторение такого вознаграждения;*

5) *если индивид не получает ожидаемого вознаграждения, то он (она) стремится совершить демонстративно агрессивное действие, и результат такого действия становится для него (нее) более ценным, чем неполученное вознаграждение; если индивид получает вознаграждение сверх ожидаемого, то он (она) стремится совершить демонстративно лояльное действие, и результат такого действия становится для него (нее) более ценным.*

Поскольку индивиды стремятся поддерживать, постоянно возобновлять те взаимодействия, которые приносят выгоды, и избегать невыгодных взаимодействий, формируются устойчивые межиндивидуальные связи – *структуры обмена*. Структуры обмена могут складываться на основе непосредственного двустороннего, или *прямого, обмена* (см. рис. 3, а), но также и на основе опосредованного, или *генерализованного, обмена* (см. рис. 3, б).

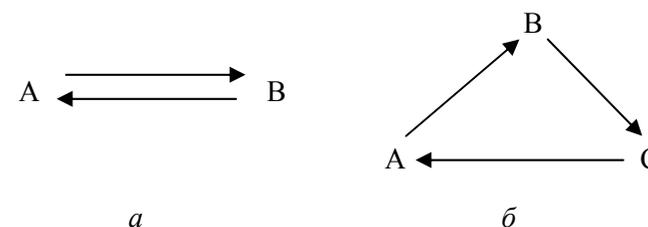

Рис. 3. Структуры обмена

Анализ структур обмена с целью выяснения, получение какого рода выгод служит мотивом для участия людей во взаимодействии, как возникают солидарность / сплоченность социаль-

* Иногда в отечественной социологической литературе используется термин «экспектации» (от англ. expectations – ожидания).

ной группы и отношения зависимости, может служить универсальным инструментом социологического исследования.

Например, процесс обучения осуществляется и поддерживается как взаимодействие, так как представляет собой прямой социальный обмен. Очевидной выгодой для студентов (А) является получаемая ими в аудитории информация, но и преподаватель (В) получает выгоду в виде самоутверждения и признания его статуса. Если студенты не получают полезной, с их точки зрения, информации, они уклоняются от взаимодействия с преподавателем: отвлекаются на посторонние занятия, например на разговоры друг с другом. Преподаватель, не получая достаточного внимания и уважения к себе, действует «агрессивно», добиваясь скорее порядка в аудитории, чем внимания слушателей.

Процесс обучения можно представить и как многосторонний комплекс взаимодействий, который воспроизводится потому, что является генерализованным социальным обменом. Преподаватели (А) ведут занятия, передавая студентам профессиональные знания; студенты (В) посещают учебное заведение, обеспечивая тем самым его финансирование (из государственного бюджета или в качестве платы за обучение); администрация учебного заведения (С), в свою очередь, оплачивает работу преподавателей.

Концепция социального обмена Хоманса хорошо описывает и объясняет взаимовыгодные, *симметричные обмены*, но Блау в своей работе «Обмен и власть в общественной жизни» (1964) показывает, что неравенство и отношения власти / подчинения, рассматриваемые Хомансом как следствия *несимметричных обменов*, невозможно объяснить только стремлением участников взаимодействий к получению выгод в результате своих действий. Согласно Блау, отношения власти / подчинения появляются, когда один из участников обмена обладает монопольной возможностью совершать те действия, которые полезны и ценны для других участников обмена. Используя их стремление к обмену, «монополист» устанавливает максимально выгодные для себя условия обмена и способен навязывать свою волю тем участникам, которые готовы на дополнительные затраты усилий, поскольку находятся в зависимости от желания «монополиста» поддерживать своими действиями социальный обмен. Со временем такой несимметричный

обмен приводит к развитию и закреплению неравенства. Но изначально данное, предшествующее процессу обмена неодинаковое распределение социально значимых ресурсов, создающее «монополию», и признание взаимодействующими индивидами этой ситуации как нормальной означает, что реальное взаимодействие не всегда соответствует идеальной модели социального обмена. Отклонение можно объяснить одной из двух причин. Во-первых, ожидания взаимовыгодности могут нарушаться без того, чтобы социальный обмен прекратился, а это противоречит исходным постулатам теории Хоманса. Во-вторых, кроме расчета персональных выгод / издержек действия индивидов мотивируются еще и социальными нормами, то есть верой в разумность совершения даже заведомо индивидуально невыгодных действий, если эти действия способствуют сохранению социального порядка.

2.2. Теория рационального выбора

Решение проблемы соотношения индивидуального расчета и следования нормам предлагает альтернативная теории социального обмена парадигма – *теория рационального выбора*. Эта теория представляет собой научный подход, который основывается на рассмотрении социального взаимодействия как процесса координации действий людей, стремящихся к достижению индивидуальных целей. Рациональность выбора определяется оптимальностью стратегии поведения. Индивид выбирает из *альтернатив* – фиксированного набора возможных вариантов действий – тот вариант, который даст наилучший результат. Однако стремление всех к максимизации индивидуальной выгоды может привести к *социальной дилемме* – ситуации, в которой возникает конфликт между индивидуальной рациональностью и социальной рациональностью.

Проблема оптимизации стратегии поведения в ситуации, когда индивидуально рациональные действия приводят к социально иррациональным последствиям, раскрывается на моделях математической теории игр. Самая известная из них получила название «дилемма узника» (от англ. Prisoner's Dilemma).

Для каждого из двух арестованных (за участие в одном преступлении) существуют два варианта действий: сознаться или от-

пираться. Матрица возможных исходов для первого участника (см. рис. 4) включает четыре случая, в зависимости от действий второго участника:

- 1) оба сознаются и, разделив ответственность, получают одинаковое наказание;
- 2) первый сознается, пока второй отпирается, и вина перекладывается на второго;
- 3) первый отпирается, второй сознается, и вина перекладывается на первого;
- 4) оба отпираются и получают одинаковое минимальное наказание.

		2-й участник	
		уклонение	кооперация
1-й участник	уклонение	общий проигрыш (1)	односторонний выигрыш (2)
	кооперация	односторонний проигрыш (3)	общий выигрыш (4)

Рис. 4. «Дилемма узника»

Достижение наиболее предпочтительного исхода (2) предполагает выбор варианта «сознаться», то есть стратегии уклонения от кооперации с соучастником. Но наиболее предпочтительный для второго участника исход (3) предполагает, что он также выберет стратегию уклонения. В результате одновременного выбора обоими участниками индивидуально рациональной стратегии уклонения они окажутся в ситуации общего проигрыша (1). Оптимальным является коллективно рациональный выбор обоими участниками стратегии кооперации (4), то есть выбор варианта «отпираться». Но такой выбор возможен, если между участниками существует *доверие*, если каждый уверен, что другой не выберет

более выгодный для себя вариант уклонения. Именно отсутствие доверия провоцирует коллективно иррациональный исход.

Применение моделей, подобных «дилемме узника», в анализе самых разных социальных явлений составляет основу исследовательской стратегии приверженцев теории рационального выбора. Образцами для них традиционно служат работы экономистов, давно развивающих этот подход, а в последние годы также работа американского социолога Джеймса Коулмена (1926–1995) «Основания социальной теории» (1990).

Коулмен проанализировал с точки зрения рационального выбора взаимодействия, традиционно связываемые скорее с проявлением чувств, нежели с расчетом. В частности, он показал, что в процессе ухаживания и заключения брака индивид ищет партнера как можно более привлекательного с точки зрения физической красоты, ума, доброты, престижности работы, уровня дохода или иных качеств. Следовательно, брачное поведение, по Коулмену, сводится к рациональному выбору из фиксированного набора альтернатив. Но стремление каждого участника «брачного рынка» к оптимизации выбора приводит к социальной дилемме, которую можно описать при помощи модели «дилемма узника». Если оба партнера вступают в брак по любви, то каждый «приобретает» внимание и заботу со стороны другого и одновременно «затрачивает» силы и время на внимание к партнеру и заботу о нем, то есть складывается ситуация общего выигрыша (4). Если один из партнеров вступает в брак по расчету, а другой по любви, то один «выигрывает», поскольку «приобретает», не «затрачивая», то есть складывается ситуация либо одностороннего выигрыша (2), либо одностороннего проигрыша (3). Индивидуально рациональной является стратегия вступать в брак по расчету, но если оба партнера выбирают такую стратегию, то ни один из них не «приобретает» того, на что рассчитывает (1). Стратегия вступления в брак по расчету является социально иррациональной.

В качестве ситуации рационального выбора, провоцирующего социальную дилемму, можно представить и взаимодействие в сфере образования, рассматриваемой как «рынок образовательных услуг». Например, если руководство учебного заведения, стремясь привлечь наиболее подготовленных абитуриентов, пре-

увеличивает в рекламных материалах уровень преподавания и востребованности своих выпускников, то это – индивидуально рациональная стратегия. Но индивидуально рациональной стратегией для абитуриентов также является преувеличение: стремясь пройти конкурсный отбор в престижное учебное заведение, они могут воспользоваться на экзамене шпаргалкой и тем самым искусственно повысить оценку уровня знаний. В результате одновременного выбора стратегии получения максимального выигрыша при минимальных затратах реальных усилий складывается ситуация общего проигрыша (1): учебное заведение получает недостаточно подготовленных студентов, а студенты получают недостаточно качественное образование. Социально рациональной является ситуация общего умеренного выигрыша (4), когда обе стороны – руководство учебного заведения и абитуриенты – выбирают стратегию «честной игры» и получают, соответственно, студентов и образование уровнем не ниже и не выше уровня собственных усилий и способностей. Но при этом участники взаимодействия должны быть уверены, что не рискуют попасть в ситуацию одностороннего проигрыша.

Устранение риска и тем самым решение социальной дилеммы достигается с установлением доверия участников взаимодействия друг к другу. Доверие обеспечивается действенной системой социальных норм, поощряющих «кооперацию» и наказывающих за «уклонение». Именно нормы, которые требуют выполнения взятых на себя обязательств, лежат в основе рыночного поведения и Коулменом рассматриваются как *социальный капитал* – ресурс экономического развития, который столь же важен, как и технико-организационные ресурсы.

Социальные нормы ограничивают выбор, сводя альтернативы к социально одобряемым действиям, и ориентируют участников взаимодействия на поддержание своей репутации, то есть на сохранение доверия к ним со стороны партнеров по взаимодействию. Таким образом, рациональным может считаться выбор не в пользу индивидуального интереса, а в пользу позитивного мнения других людей. Однако теория рационального выбора недооценивает проблему формирования мнения, то есть восприятия, истолкования и оценки поступков индивидов другими участниками взаимодействия.

2.3. Символический интеракционизм

Проблема интерпретации людьми поступков друг друга является ключевой еще для одной микросоциологической парадигмы – *символического интеракционизма*. Это исследовательский подход, основывающийся на концепции социального взаимодействия как процесса согласования людьми своих поступков с поступками других людей путем установления и изменения значений этих поступков. Взаимодействуя друг с другом, индивиды постоянно определяют и переопределяют значения действий друг друга в зависимости от развития ситуации и ориентируют свои последующие действия на эти значения. При таком подходе общество – это не фиксированная совокупность однозначно заданных социальных норм и не предустановленная система поведения, а текучий, хотя и структурированный процесс *интеракции* (от англ. interaction – взаимодействие).

Образцом для социологов, придерживающихся концепции символического интеракционизма, служат работы выдающегося американского социального психолога Джорджа Герберта Мида (1863–1931) и его последователей в социологии Герберта Блумера (1900–1987) и Ирвина Гоффмана (1922–1982).

Мид, чьи идеи уже после смерти были собраны и систематизированы его учениками в книге «Разум, человеческое "Я" и общество» (1934), утверждал, что поведение человека – это реакция не столько на стимулы (внешние воздействия и внутренние побуждения), сколько на символы (значения вещей и действий). Социальным поведение индивида является потому, что он (она) своим действиям и действиям окружающих людей придает те же значения, что и другие участники взаимодействия. Индивид умеет ориентировать свои действия на определенное их истолкование партнерами по взаимодействию, так как по мере накопления опыта взаимодействия с разными людьми в разных ситуациях в сознании индивида формируется особая установка мышления, названная Мидом *обобщенный другой*. Обобщенный другой – это часть собственного «Я» индивида, но одновременно абстрактный образ партнера по взаимодействию, роль которого индивид внутренне

принимает, когда интерпретирует чужие поступки и совершает собственные.

Обобщенный другой – это усвоенная схема интерпретации и мотивации действий, но она изменчива и ситуативна. Чтобы подчеркнуть ситуационный, процессный характер действий и их интерпретации, ученик Мида Блумер сформулировал в книге «Символический интеракционизм» (1969) три постулата, на основе которых строится описание и объяснение социальных явлений как процессов интеракции:

1) *люди действуют в отношении объектов на основе значений, придаваемых этим объектам;*

2) *значение объектов для индивида возникает в социальном взаимодействии, в котором он (она) участвует;*

3) *значения используются и видоизменяются индивидом в процессе интерпретации объектов, с которыми он (она) имеет дело.*

Структурность, то есть упорядоченность и повторяемость, социальных взаимодействий возникает на основе общности значений, вырабатываемых и разделяемых участвующими в этих взаимодействиях людьми. Если, например, участники взаимодействия одинаково истолковывают поднятую вверх руку как знак приветствия, то использование одним из них такого жеста приводит к взаимному определению ситуации как начала общения. При всяком повторении такой ситуации взаимодействие будет развиваться в том же направлении. Но если общность значений отсутствует и партнер по взаимодействию истолковывает поднятую вверх руку иначе, как знак агрессии, то он определяет ситуацию как начало конфликта и ответным действием демонстрирует свое отношение к ситуации именно как к конфликту. Бесконфликтное развитие начавшегося таким образом взаимодействия возможно, только если первый участник взаимодействия, используя иные действия, вызовет у второго участника впечатление, что первоначальный жест имел значение именно приветствия.

Зависимость процесса взаимодействия от интерпретации значений поступков приводит к тому, что действия индивидов приобретают характер *управления впечатлениями* других людей. Этот аспект социального взаимодействия выделил Гоффман в

знаменитой книге «Презентация себя в повседневной жизни» (1959). Определив свою версию символического интеракционизма как *драматургический анализ*, Гоффман показал, что индивиды даже в самых обычных случаях целенаправленно добиваются желательной интерпретации, выстраивают серию действий – «пьесу», выбирают и подготавливают ситуацию взаимодействия – «сцену», используют особенности места – «декорации» – и вещи – «реквизит». Цель презентации – создание устойчивого впечатления, определяющего в сознании людей, кем является, какое социальное положение занимает индивид, то есть создание или поддержание *идентичности* (от англ. identify – отождествлять, опознавать).

Интеракционистская схема «определение ситуации – презентация значений» может использоваться как универсальный инструмент анализа социальных явлений. Например, профессиональное образование можно рассматривать как взаимодействие преподавателей и учащихся с использованием вещей и поступков, символизирующих профессиональную идентичность. Лекция – это интеракция, в ходе которой преподаватель презентует себя как специалиста – члена профессионального сообщества. Лектор занимает такое место в аудитории, придерживается такой манеры одеваться, использует такой тон и такую терминологию, которые символизируют его положение преподавателя и ориентируют присутствующих на интерпретацию ситуации именно как лекции, а не как дружеской беседы, митинга, заседания клуба, вечеринки и т. д. Экзамен по окончании лекционного курса – это иного рода интеракция. Теперь уже учащиеся презентуют себя таким образом, чтобы вызвать благоприятное впечатление у преподавателя и поддержать свою идентичность как начинающих профессионалов или людей, заинтересованных в том, чтобы стать специалистами в избранной области деятельности.

Символический интеракционизм позволяет хорошо описывать и объяснять межиндивидуальные взаимодействия и массовое поведение в ситуациях, предполагающих возможность различных интерпретаций. Однако сторонники этой парадигмы переоценивают рефлексивность*, сознательное отношение индивидов к сво-

* Рефлексия (от лат. reflexio – обращение назад) – отражение в сознании, размышление, самонаблюдение.

им и чужим действиям и недооценивают устойчивость и стереотипность значений, которые структурируют восприятие и поступки индивидов. В повседневной жизни люди часто воспринимают ситуации взаимодействия не как открытые для различных интерпретаций, а как однозначные – «само собой разумеющиеся».

2.4. Феноменологическая социология

В отношении изучения привычных интерпретаций и устойчивых смыслов действий альтернативной символическому интеракционизму парадигмой является *феноменологическая социология*. Это подход, основывающийся на рассмотрении социального взаимодействия как процесса координации поступков людей, наделяющих действия друг друга смыслом, типичным для их жизненного опыта. Общность и устойчивость смыслов, придаваемых ситуациям взаимодействия, упорядочивает их и превращает в представлении участников взаимодействия в объективную реальность – социальные феномены. Социальная реальность конструируется, хотя большей частью непреднамеренно, в сознании людей, придерживающихся общепринятых способов интерпретации как очевидных, естественных.

Образцами постановки и решения исследовательских проблем для приверженцев концепции феноменологической социологии служат работы выдающегося австрийского философа и социолога Альфреда Шюца (1899–1959) и его учеников – немецкого социолога Томаса Лукмана (р. 1927) и американских социологов Питера Бергера (р. 1929) и Гарольда Гарфинкеля (р. 1917).

Шюц в работе «Смысловая структура социального мира» (1932), используя идеи феноменологической философии германского мыслителя Э. Гуссерля, сформулировал концепцию социальной феноменологии как изучения тех представлений, которые образуют общество как «горизонт жизненного мира» – сферу опыта, доступного индивидам в их повседневной жизни. *Жизненный мир* не является предметом размышлений, люди просто переживают его как очевидную реальность. Объективность вещей, действий, событий в мире повседневности – это *естественная установка* индивидуального сознания. Субъективные переживания,

индивидуальный опыт объективирует язык, при помощи которого люди обозначают и определяют любые явления. В языке ситуации взаимодействия и их участники типизируются, то есть подводятся под привычные и понятные категории: «лекция», «студент», «преподаватель»; «магазин», «покупатель», «продавец»; «семья», «родители», «дети» и т. д. *Типизации* придают смысл любым, даже новым явлениям и тем самым встраивают их в жизненный мир в качестве знакомых и потому понятных и «само собой разумеющихся».

Межиндивидуальное взаимодействие строится на основе взаимной типизации, то есть приписывания участниками действиям друг друга типичных мотивов, варианты которых заданы жизненным опытом. Индивиды действуют на основе интерпретаций и при этом исходят из естественной установки, что имеют дело не с интерпретациями, а с реальными явлениями. Согласованность, координация поступков в таком случае возможна постольку, поскольку смысл явлений, заложенный в типизациях, истолковывается одинаково разными людьми. Единство интерпретации обеспечивается общностью жизненного мира. Жизненный мир не является объективной реальностью, поскольку образован переживаниями, опытом, типизациями, но он не является и субъективным миром индивидуального сознания. Жизненный мир – это интерсубъективная реальность. *Интерсубъективность* – это фундаментальная характеристика социальных феноменов.

Интерпретация ситуаций взаимодействия и действий его участников как типичных превращает взаимодействие в социальный порядок – устойчивую структуру. *Социальная структура с точки зрения феноменологической социологии представляет собой всю сумму типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия*. Таким образом, общество конструируется в результате взаимодействий в повседневной жизни. Однако сконструированный социальный порядок в силу естественной установки сознания воспринимается индивидами как объективная реальность – система норм и правил, которые необходимо усвоить и которым необходимо следовать. Эту двойственность общества, представляющего собой одновременно и «субъективные смыслы» и «объективную фактичность», Бергер и Лукман в

совместной работе «Социальное конструирование реальности» (1966) представили как особенность социальной реальности, для которой характерны три момента:

- 1) *общество – человеческий продукт,*
- 2) *общество – объективная реальность,*
- 3) *человек – социальный продукт.*

Типизации повседневной жизни образуют социальные конструкты первого порядка. На их основе создаются социальные конструкты второго порядка, формирующие «конечные миры смыслов» – такие сферы специфических феноменов и взаимодействий, как наука, религия, искусство, экономика и т. д. Конечные миры смыслов – это замкнутые области реальности, встраиваемые в реальность повседневной жизни. В каждом из этих миров особый способ существования феноменов. В сфере науки существует, то есть имеет смысл, только то, что объективно; в сфере религии – только то, что сверхъестественно; в сфере искусства – то, что эстетично; в экономике – то, что рентабельно.

Для того чтобы индивид смог переживать эти специфические реальности и участвовать в соответствующих взаимодействиях, ему (ей) необходимо расширить «горизонт жизненного мира», усвоив типичные для той или иной сферы взаимодействия смыслы и способы их образования. Ключевую роль в этом играет язык, типизирующий опыт и связывающий в единое целое мир повседневности и конечные миры смыслов. *Идея об определяющей роли языка в социальном конструировании реальности лежит в основе исследовательской стратегии феноменологической социологии: изучать то, как при помощи речевых коммуникаций поддерживаются и трансформируются социальные феномены – общество, социальные общности, социальные статусы и т. д.*

Гарфинкель в работе «Исследования по этнометодологии» (1967) представил исследовательскую стратегию феноменологической социологии как эмпирическую технику выявления скрытых, подразумеваемых смыслов, определяющих возможность и характер коммуникации. Понятием *этнометодология* у Гарфинкеля обозначается и предмет его исследования – практикуемые индивидами в повседневной жизни методы объяснения, то есть способы наделения смыслом ситуаций и действий, и одновремен-

но исследовательский метод – обнаружение латентных смысловых структур в привычных, обыденных ситуациях, рассматриваемых подобно тому, как этнографы смотрят на обычаи и ритуалы иных народов, непривычные и требующие усилий для раскрытия их смысла.

Гарфинкель на экспериментальном материале показал, что коммуникация основывается на «индексации», то есть на привязке высказываний к контексту. *Смысл высказывания не содержится в нем самом, а определяется выбором контекста, при этом структура возможных контекстов для каждого индивида задана его жизненным миром.* В одном из проведенных Гарфинкелем экспериментов студентам университета было предложено принять участие в том, что было представлено как новая форма психотерапии. Студентов попросили кратко изложить личную проблему, для решения которой им нужен совет, и задать психотерапевту вопросы, предполагающие односложный ответ – «да» или «нет». Человек, отвечавший на вопросы студентов, не был психотерапевтом, а последовательность его ответов была задана генератором случайных чисел. Несмотря на то, что ответы не имели никакого отношения к содержанию вопросов, студенты интерпретировали ответы как советы профессионала. Если даже ответы казались совершенно абсурдными, студенты считали, что просто не смогли внятно изложить свою проблему. Гарфинкель сделал вывод, что студенты наделяли смыслом ответы мнимого психотерапевта, исходя из подспудно навязанного им экспериментатором контекста: они находятся на организованном в университете сеансе психотерапии, их собеседник – психотерапевт. Подобным образом в обычной жизни люди придают тот или иной смысл ситуации и высказываниям партнеров по коммуникации и тем самым спонтанно создают социальный порядок даже тогда, когда объективно его нет.

Феноменологическая схема «придание смысла – конструирование реальности» может служить универсальным аналитическим инструментом. Например, получение профессионального образования можно рассматривать как усвоение понятийного аппарата, приемов работы и манеры общения, которые в совокупности являются способом наделения смыслом ситуаций и предметов,

существенных для данного профессионального сообщества. Для его членов профессиональная деятельность образует особый мир, реальность которого (и, следовательно, важность профессии) несомненна. Образование – это совокупность межиндивидуальных (внутри сообщества преподавателей и студентов) коммуникаций, посредством которых происходит социальное конструирование профессии.

Феноменологическая социология хорошо описывает и объясняет то, как люди взаимодействуют в повседневной жизни, и, в отличие от символического интеракционизма и теории социального обмена, уделяет большое внимание и социальным структурам. Однако все эти парадигмы недооценивают роль неравенства и конфликтов в формировании процессов межиндивидуального взаимодействия.

2.5. Социальный акционализм

В отношении изучения конфликтов и неравенства на уровне микросоциальных процессов альтернативой другим микросоциологическим парадигмам является *социальный акционализм* – концепция, разработанная известным французским социологом Аленом Туреном (р. 1925). В книгах «Социология действия» (1965) и «Производство общества» (1973) он представил исследовательский подход, основанный на тезисе, что социальное действие порождает ценности и нормы, которые служат для индивидов ориентирами в их деятельности и придают этой деятельности устойчивость и упорядоченность, то есть образуют социальные структуры.

То, что мы называем обществом, не является, по мысли Турена, системой – единой и четко структурированной совокупностью норм и поведенческих образцов, определяющих деятельность индивидов. Общество – это арена борьбы *акторов* (от франц. *acteur* – действующее лицо, деятель) за утверждение их целей и представлений о том, как должны строиться отношения между людьми, в качестве ценностей и норм. Социальные структуры порождаются не всяким действием, а только «историчным», то есть направленным на борьбу за поддержание или изменение общих условий жизни людей. Историчность (то есть способность творить

общество как историческое явление) – это характеристика, которую деятельность индивидов приобретает, если они становятся участниками *социального движения* – организованного коллективного поведения акторов, борющихся за интересы своего класса.

Поскольку социальным, а значит, относящимся к предмету социологии, является не изолированное индивидуальное действие, а действие, реализующее цели социального движения, социологическое исследование должно вестись особым способом, который Турен назвал *социологической интервенцией* (от лат. *interventio* – вмешательство). Исследователь должен быть участником изучаемого социального движения, участвовать в повседневных взаимодействиях, совместно с другими участниками данного движения формулировать цели движения и выяснять, как действия соотносятся с целями, характеризуются ли они историчностью. Социологическое знание – это практическое знание акторов, осознание историчности и управление ею. Поэтому исследователи сами должны быть акторами, вмешиваться в социальные процессы, а не занимать позицию нейтральных наблюдателей.

Социальный акционализм, как и феноменологическая социология и прочие микросоциологические парадигмы, недооценивает влияние на жизнедеятельность людей факторов, которые не являются частью их взаимодействия, их жизненного мира и которым поэтому они могут не придавать никакого смысла, но которые от этого не перестают оказывать реальное воздействие. Например, профессия врача или учителя как вид деятельности социально конструируется теми, для кого эта деятельность является частью повседневной жизни и имеет определенный смысл, – врачами, преподавателями и студентами медицинских учебных заведений, пациентами или учителями, преподавателями и студентами педагогических учебных заведений, учениками и их родителями. Между тем экономические, правовые или политические решения бизнесменов, государственных чиновников и парламентариев, никак не связанных с жизненным миром этих профессий, могут влиять на количество рабочих мест, уровень оплаты труда, количество учебных заведений и условия приема в них, уровень технического оснащения и т. д.

Макросоциальные явления как факторы, определяющие условия и характер взаимодействия, и связи между различными макросоциальными явлениями не входят в предмет феноменологической социологии, символического интеракционизма, теории социального обмена, теории рационального выбора, социального акционализма. Это не означает, что микросоциологические парадигмы в меньшей степени, чем макросоциологические, адекватны исследовательским задачам, которые необходимо решать социологам. Это лишь означает, что средствами одной парадигмы или одного типа парадигм все исследовательские проблемы решить не удастся и что мультипарадигмальность в социологии отражает существование в ней этой проблемы.

3. ПРОБЛЕМА МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ

3.1. Дилеммы теоретической социологии

В ситуации мультипарадигмальности существенной является проблема теоретического единства социологии, разные представители которой по-разному трактуют предмет социологии, цели и методы исследовательской работы. Расхождения в трактовке предмета социологии могут и не создавать проблемы, если социологи исследуют разные явления и процессы. В таком случае их исследования в совокупности дают картину многообразия форм социальной обусловленности явлений, и результаты исследований, проводимых в рамках различных научных подходов, являются *взаимодополняющими*. Но в современной социологии сторонники различных парадигм часто исследуют одни и те же явления и процессы и при этом получают противоположные выводы, результаты исследований являются *взаимоисключающими*. При этом трудно оценить, какие из этих результатов являются истинными с научной точки зрения. Поскольку все результаты, полученные в строгом соответствии с научными процедурами, должны быть признаны истинными, а вопрос об адекватности самих процедур сторонниками разных парадигм решается по-разному, теории и эмпирические данные, полученные на основе разных парадигм, оказываются *несоизмеримыми*.

Ситуация мультипарадигмальности в социологии сложилась потому, что социологи решают методологические проблемы, то есть вопросы, *что, как и зачем* исследовать, представляя их как дилеммы*. Принципиальные расхождения между парадигмами в социологии определяются решениями трех дилемм. Эти решения, принимаемые осознанно или интуитивно, образуют базовые предположения о характере социальных явлений и адекватном способе познания этих явлений. Социологами выдвинуты многочисленные и весьма изощренные аргументы за и против каждого решения дилемм, поэтому принятие решения о выборе той или иной науч-

* Дилеммой принято называть трудный, но необходимый выбор между двумя равновозможными вариантами.

ной позиции основывается в большей степени на убеждении, чем на доказательстве.

Первая дилемма – это вопрос «действие или структура?». Оба возможных варианта имеют в социологии множество, в том числе и весьма авторитетных сторонников. Такой классик социологии, как Макс Вебер утверждал, что предмет социологии – это социальные действия, то есть поступки индивидов, по своему смыслу ориентированные на ответные поступки других людей. Совокупности индивидуальных действий образуют повторяющиеся ситуации взаимодействий, которые принято называть «структурами». Так что социальные структуры не существуют сами по себе, независимо от действий, и изучать структуры возможно, только изучая социальные действия. Другой классик социологии – Эмиль Дюркгейм – утверждал прямо противоположное: предмет социологии – это социальные факты, то есть не зависящие от каждого отдельного индивида и определяющие его поступки способы мышления и действия, иначе говоря, социальные структуры. Характер социальных структур предопределяет характер индивидуальных действий. Так что социальные структуры с точки зрения социологии не менее, а даже более реальны, чем индивидуальные действия, и изучать индивидуальные действия возможно, только изучая социальные структуры.

Позицию Вебера, соглашаясь с ним или выдвигая собственную аргументацию того же рода, разделяют сторонники *микросоциологических* парадигм – теории социального обмена, теории рационального выбора, символического интеракционизма, феноменологической социологии. Все эти парадигмы объединяет лежащее в основе их понятийного аппарата и исследовательской стратегии представление о том, что *социальные структуры являются производными от индивидуальных действий*. Позицию Дюркгейма, представляемую в той или иной трактовке, разделяют сторонники *макросоциологических* парадигм – структурного функционализма, исторического материализма (марксизма), критической теории (неомарксизма). Эти парадигмы объединяет определяющее их логику представление о том, что *индивидуальные действия являются производными от социальных структур*.

Вторая дилемма – это вопрос «факты или смыслы?». Этот вопрос, также не имеющий однозначно правильного решения, послужил основой для размежевания *позитивистской социологии* и *интерпретативной социологии*. Идея позитивистской социологии была сформулирована О. Контом и получила развитие у Э. Дюркгейма, который полагал, что объяснить социальные факты можно, установив объективные причинно-следственные связи между фактами. Идея интерпретативной социологии принадлежит М. Веберу, который полагал, что объяснить социальные действия можно, реконструировав и поняв вкладываемые в них субъективные смыслы. Противники интерпретативной социологии утверждают: чтобы делать общезначимые научные выводы, исследователь должен оперировать объективными фактами, которые можно получить, фиксируя устойчивые образцы взаимодействия, формы совместной жизни людей, а интерпретация смыслов, которые невозможно наблюдать, чревата произвольными умозаключениями. Антипозитивистски настроенные социологи полагают, что естественно-научная модель исследования причинно-следственных связей не подходит для социологии, поскольку люди совершают действия осмысленно, и в случае социальных явлений и процессов причинно-следственные связи – это связи смысловые.

К позитивистской социологии, несмотря на неприятие многими исследователями самого термина «позитивизм»*, можно отнести такие макросоциологические парадигмы, как структурный функционализм и исторический материализм. В рамках структурного функционализма в качестве объясняемых фактов рассматриваются наблюдаемые структуры – устойчивые образцы взаимодействия, заданные социальными нормами, а в качестве объясняющих фактов – фиксируемые функции, то есть полезные результаты существования структур. Для марксистской парадигмы (исторического материализма) характерно рассмотрение в качестве объяс-

* Понятие «позитивизм» (от лат. *positivus* – положительный), введенное О. Контом, ассоциируется с ныне отвергаемой крайней формой сциентистского подхода к социологии, согласно которому она должна полностью следовать принципам строгости и объективности, характерным для естественных наук. Современные последователи идеи социологии как строгой науки придерживаются более гибких взглядов, трактуемых как неопозитивизм или постпозитивизм.

няемых фактов устойчивых форм неравенства и разделения на классы, а в качестве объясняющих фактов – фиксируемые отношения собственности и уровень развития технологий. Критическая теория (неомарксизм), несмотря на явно макросоциологический характер, тяготеет к антипозитивистскому отказу от построения исследований на основе описания фактов, которые расцениваются как скрытая форма идеологии, поддерживающей существующий социальный порядок тем, что представляет наблюдаемое положение вещей как объективную, а значит, единственную реальность. Для критической теории характерна интерпретация смысла наблюдаемых явлений и процессов, который связывается с проявлениями того или иного типа рациональности. С другой стороны, такие явно микросоциологические парадигмы, как теория социального обмена и теория рационального выбора, строятся на позитивистском принципе изучения объективных фактов. С точки зрения данных теорий наблюдаемые действия индивидов в совокупности вызывают реальные, объективно существующие эффекты – наблюдаемые регулярности поведения, называемые социальными структурами.

К собственно интерпретативной социологии можно отнести парадигмы символического интеракционизма и феноменологической социологии, которые во всех отношениях соответствуют позиции, сформулированной М. Вебером. Исследование индивидуальных действий ведется с точки зрения значений, которые им придаются в процессе взаимодействия, а социальные структуры рассматриваются как представления о значениях или типичных смыслах ситуаций и действий, разделяемые участниками взаимодействия и потому упорядочивающие это взаимодействие.

Третья дилемма – это вопрос «объективизм или активизм?». Классические решения этого вопроса даны М. Вебером и К. Марксом. Противоположность этих решений определяет размежевание *традиционной социологии и критической социологии.*

Идеал научной объективности социологии сформулирован Вебером как *принцип свободы от оценочных суждений.* Вебер полагал, что предмет социологического исследования всегда формируется посредством *отнесения к ценности,* то есть социальные явления становятся предметом исследования, если они связаны с

ценностями – убеждениями и интересами людей, их представлениями о важных проблемах. Но при этом предмет и результаты исследования не должны оцениваться с позиций морали или политической целесообразности. Исследователь не должен оценивать социальные феномены как «хорошие» или «плохие», иначе вместо научного изучения мира таким, каков он есть, получится идеологическая доктрина, предписывающая миру, каким он должен быть. Цель исследования – истинное знание – достигается, если социолог занимает позицию беспристрастного, этически и политически нейтрального исследователя, относящегося к социальным явлениям как к объекту изучения. Однако принцип свободы от оценочных суждений не воспрещает социологу иметь моральные принципы, гражданскую позицию, политические убеждения или эстетические вкусы. Просто он должен четко разделять научные суждения и суждения морального, политического или эстетического характера.

Ярко выраженная приверженность идеалу научной объективности отличает такие парадигмы, как структурный функционализм, теория социального обмена, теория рационального выбора. Парадигмы символического интеракционизма и феноменологической социологии также являются объективистскими, но они строятся на представлении о том, что исследователь, будучи вовлечен в социальные взаимодействия, не может быть абсолютно нейтральным по отношению к изучаемому объекту. В том или ином виде тенденциозность результатов исследования всегда характерна для социологии.

Идея о том, что неизбежную тенденциозность социологии следует не подавлять или скрывать, а, напротив, активно культивировать и использовать, лежит в основе активистских парадигм. Идеал социальной активности социологии Маркс сформулировал в виде тезиса о необходимости не просто изучать мир, а изменить его (см. п. 1.2). Цель исследования – социальное изменение в направлении более гуманного общества – достигается, если социолог занимает позицию активного критика существующего социального порядка и сознательно использует ценностные суждения для выявления его основ, структур, форм воздействия на мышление и поведение индивидов. Наряду с классическим марксизмом

(историческим материализмом), активистской парадигмой является критическая теория (неомарксизм). В рамках этой парадигмы принципу свободы от оценочных суждений противопоставляется *принцип свободы от господствующей идеологии*, которая представляет под видом научных идей и фактов политическое оправдание существующего порядка.

Замечания противников критической социологии, касающиеся того, что она представляет собой не научную, а политическую деятельность, легко парируются тезисом о том, что все социологические исследования тенденциозны и политизированы, но не все исследователи отдают себе в этом отчет. Однако парадигмы исторического материализма и критической теории содержат противоречие иного рода. Они предполагают, что социальное изменение – это смена одних структур, детерминирующих действия индивидов, новыми структурами. Существующему типу детерминирующих структур, оцениваемому негативно, противопоставляется позитивно оцениваемый тип, но все же *детерминирующих* структур. Таким образом, макросоциологический характер этих активистских парадигм приводит к тому, что они сами оказываются идеологией новых форм контроля. Но активистские парадигмы не обязательно являются макросоциологическими. Примером микросоциологической активистской парадигмы может служить социальный акционализм Алена Турена.

3.2. Интегративные парадигмы

Характерные для рассмотренных выше парадигм однозначные решения дилемм «действие или структура», «факты или смыслы», «объективизм или активизм» приводят к односторонности подходов и противопоставлению полученных в их рамках результатов исследований. На преодоление противопоставления в теоретической социологии действия и структуры, объективности и социальной активности исследователя нацелены новые исследовательские подходы и теории, которые в последние два десятилетия приобрели большое число сторонников среди социологов. Это так называемые *интегративные парадигмы*. К их числу принадлежат *теория коммуникативного действия* Ю. Хабермаса, *теория*

структуризации Э. Гидденса, *конструктивистский структурализм* П. Бурдьё.

Теория коммуникативного действия – это исследовательский подход, в основе которого лежит представление об обществе, с одной стороны, как о *системе*, а с другой – как о *жизненном мире*. Основоположник этого подхода немецкий социолог Юрген Хабермас (р. 1929) в работе «Теория коммуникативного действия» (1981) стремился показать относительную правоту макросоциологических парадигм (структурный функционализм, исторический материализм) и микросоциологических парадигм (феноменологическая социология, символический интеракционизм), которые сосредотачивают внимание исследователей, соответственно, на объективных структурах и субъективных смыслах. Ограниченность этих парадигм, по мысли Хабермаса, заключается в том, что они «обрывают» связь между двумя неразделимыми аспектами общественной жизни.

Хабермас выделил два типа социального действия: *целерациональное действие*^{*}, направленное на успешное манипулирование объектами, в качестве которых могут рассматриваться и вещи и живые существа, в том числе люди, и *коммуникативное действие*, направленное на достижение взаимопонимания и консенсуса (от лат. consensus – согласие, единодушие) между взаимодействующими людьми. *Целерациональное действие воспроизводит общество как систему, то есть комплекс формальных норм, определяющих наиболее эффективные способы обеспечения благосостояния и безопасности индивидов*. Экономика – сфера деятельности, в которой действия индивидов координируются при помощи денег, и политика – сфера, в которой действия координируются при помощи власти, являются составными частями системы. Люди действуют согласованно, если одни оплачивают действия других или если одни подчиняются распоряжениям других. *Коммуникативное действие воспроизводит общество как жизненный мир, то есть комплекс символических структур, определяющих способы придания индивидами смысла событиям и действиям друг друга*. Составными частями жизненного мира явля-

^{*} Понятие целерационального действия и саму идею типологизации социального действия Ю. Хабермас взял у М. Вебера.

ются: 1) культура – сфера деятельности, в которой индивидами создается и передается знание; 2) общность – сфера деятельности, в которой индивидами устанавливается и поддерживается чувство единства – солидарность; 3) социализация личности – сфера деятельности, в которой у индивидов формируется идентичность (представление о себе на основе осознания принадлежности к той или иной социальной общности) и способность быть актором – ответственным субъектом социального действия. Культура, общность, социализация личности – это сферы, в которых действия индивидов координируются при помощи языка как средства речевой коммуникации. Люди действуют согласованно, если одни аргументируют необходимость или полезность тех или иных действий, а другие принимают эти аргументы как убедительные.

Система и жизненный мир неразрывно связаны и зависят друг от друга. Система обеспечивает «материальную основу» коммуникативного действия посредством эффективного использования ресурсов и результатов целерационального действия для поддержания: 1) технического оснащения и организационных процедур накопления и передачи знания; 2) экономического благополучия, правового порядка и военной безопасности общности; 3) жизненных сил и здоровья индивидов. Жизненный мир обеспечивает мотивацию целерационального действия посредством придания объектам и ситуациям значений, ориентируясь на которые, люди выбирают культурно, социально и индивидуально приемлемые цели и соотносят цели и средства. Но в современном мире, согласно Хабермасу, равновесие между системой и жизненным миром нарушено и система «колонирует» жизненный мир.

Колонизация происходит в форме бюрократизации и коммерциализации тех сфер жизнедеятельности, в которых создаются символические структуры. Деньги и власть постепенно замещают речевую коммуникацию в качестве средства координации действий в науке, искусстве, образовании, профессиональных ассоциациях, местных общинах, семейной жизни, воспитании подрастающего поколения. Колонизация жизненного мира – основная структурная проблема современного общества, так как распад символических структур ведет к мотивационному кризису: мотивация действий на основе придания им смысла исчезает и нарастает «сис-

темное насилие». Действия на основе личного выбора, мотивируемые ценностными ориентациями, убеждениями, верованиями, замещаются действиями на основе вынужденного подчинения и корыстного интереса, то есть внешних стимулов, исходящих от системы. Такого рода действие совершается лишь до тех пор, пока система оказывает на деятельность индивидов давление посредством денег и власти.

Колонизация жизненного мира является основной причиной социальных конфликтов в современную эпоху. На смену экономической и политической борьбе классов приходит борьба между общностями, чьи интересы связаны с экспансией системы, – предпринимателями, рабочими, служащими, государственными чиновниками – и общностями, чьи интересы связаны с поддержанием жизненного мира, – молодежью, этническими и культурными меньшинствами, религиозными фундаменталистами и т. д. В этих условиях главной целью исследования должно быть развитие такой формы мышления и мотивации деятельности, которая может служить идейной основой и практическим средством поддержания жизненного мира и сдерживания экспансии системы. Хабермас для обозначения этой формы мышления и мотивации деятельности ввел понятие *коммуникативной рациональности*, противопоставляя ее *инструментальной рациональности* системы. При помощи концепции колонизации системой жизненного мира и концепции коммуникативной рациональности в теории коммуникативного действия объективистские парадигмы (структурный функционализм и феноменологическая социология) интегрируются с активистскими парадигмами (историческим материализмом и критической теорией).

Теория коммуникативного действия хорошо описывает и объясняет взаимосвязь и взаимодополнительность двух типов организации жизнедеятельности людей: формальных обезличенных образцов взаимодействия – «системы» и повседневных межличностных коммуникаций – «жизненного мира». Однако эта теория оставляет непроясненным вопрос о том, предопределяют ли социальные структуры (и системы, и жизненного мира) индивидуальные действия (и целерациональные, и коммуникативные) или, напротив, действия порождают структуры?

Альтернативой теории коммуникативного действия в решении данной проблемы является *теория структуризации*, созданная английским социологом Энтони Гидденсом (р. 1938). Теория структуризации – это научный подход, основывающийся на представлении о воспроизводстве общества как системы взаимодействия *агентами* (от лат. *agens* – действующий) – индивидами как субъектами действия, создающими *структуры*, которые, в свою очередь, служат объективными условиями – средствами (предоставляют возможности) и ограничениями (задают рамки) для последующих действий.

В работе «Конституирование общества» (1984) Гидденс представил теорию, которая должна соединить парадигмы, исходящие из примата структуры, и парадигмы, исходящие из примата действия, и тем самым положить конец «имперским притязаниям» субъективизма, характерного для интерпретативной социологии, и объективизма, характерного для структурного функционализма. Ключевое положение теории структуризации – тезис о *дуальности*, то есть двойственном характере социальных структур. Они, с одной стороны, являются результатом (часто непреднамеренным) деятельности индивидов, а с другой стороны, являются предпосылками этой деятельности.

Определяющая роль в социальных процессах агентов проявляется на трех уровнях осознания и контроля ими своих действий. Первый уровень – это *мотивация* действия, то есть возникновение внутреннего побуждения к действию как представления о необходимости и направленности действия. Второй уровень – *рационализация* действия, то есть определение процедуры действия на основе соотнесения целей и средств. Третий уровень – *мониторинг* (от англ. *monitoring* – наблюдение с целью контроля) действия, то есть рефлексия мотивов, процедуры и последствий действия. В случае успешного исхода действия (достижение индивидуальных целей, позитивная реакция со стороны социального окружения) использованные средства и процедура совершения действия рассматриваются индивидами в качестве образцов для последующих действий. Согласно Гидденсу, люди характеризуются естественным стремлением к «онтологической безопасности» – определенной степени стабильности в жизни или, иными словами, «уверенности

в том, что природа и социальный мир останутся такими, какие они есть». Таким образом, рационализация и рефлексия агентами своих действий ведут к созданию социальных систем, которые упорядочивают взаимодействия и структурными элементами которых являются *практики*, то есть привычные действия.

Определяющая роль в социальных процессах структур проявляется в двух видах условий, создающих ограничения и возможности для деятельности агентов. Первый вид структур – это *правила* совершения действия, которые существуют в виде правил обозначения (языковых кодов) и в виде правил санкционирования поведения (социальных норм). Второй вид структур – *ресурсы* для совершения действия, которые могут быть материальными и нематериальными (власть). Ориентируясь на существование правил и доступность ресурсов, индивиды делают выбор в пользу совершения одних действий и отказываются от совершения других. Таким образом, влияние правил и ресурсов на мотивацию и рационализацию действий агентов ведет к воспроизводству агентами социальных систем.

Различные макросоциологические и микросоциологические парадигмы построены на основе разных комбинаций уровней компетентности агентов и видов структур. Например, комбинация представлений о рационализации, рефлексии и правилах санкционирования лежит в основе теории рационального выбора, а в основе феноменологической социологии – комбинация представлений о рационализации, рефлексии и правилах обозначения. Таким образом, для микросоциологических парадигм характерен акцент на рефлексивности действия, а представление о структурирующей роли распределения ресурсов не является принципиальным. Напротив, для макросоциологических парадигм принципиально представление о мотивации действия, а источниками мотивации могут выступать классовое сознание и идеология (правила обозначения), социальные нормы (правила санкционирования) или распределение ресурсов. Например, в основе исторического материализма лежит комбинация представлений о мотивации, правилах обозначения, материальных ресурсах и власти; в основе структурного функционализма – комбинация представлений о мотивации, рационализации и правилах санкционирования.

В концепции структуризации Гидденс попытался интегрировать существующие парадигмы на основе учета всех составляющих действия и структур и всех форм их влияния друг на друга. *Структуризация – это процесс воспроизводства общества, характеризующийся взаимобусловливанием индивидуального действия и социальных структур* (рис. 5).

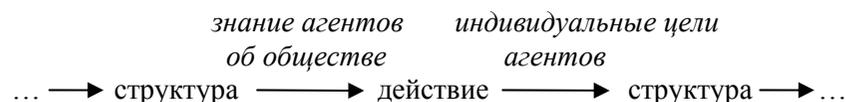

Рис. 5. Попеременная детерминация действия и структуры в процессе структуризации

Структуры предопределяют характер индивидуальных действий потому, что агенты руководствуются знанием (научным или обыденным) об обществе, то есть о существующих условиях взаимодействия. Действия индивидов предопределяют характер социальных структур потому, что агенты преследуют собственные цели, то есть используют те правила и ресурсы, которые позволяют или дают шанс реализовать индивидуальные интересы.

Теория структуризации хорошо описывает и объясняет, как действия и структуры оказываются причинами и следствиями по отношению друг к другу. Эти взаимосвязи Гидденс назвал «каузальными петлями». Однако теория структуризации переоценивает рефлексивность агентов и не позволяет объяснить ситуации взаимодействия, когда агенты не осуществляют «мониторинг», а восприятие ими ситуации различно в силу разницы в образовании, воспитании, жизненном опыте и т. п.

Эта проблема решается в рамках альтернативной по отношению к теории структуризации парадигме – *конструктивистском структуриализме*. Конструктивистский структуриализм – исследовательский подход, основывающийся на представлении о том, что социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, а агенты производят практики и тем самым воспроизводят и преобразуют структуры. *Практики – это скорее спонтанные, нежели рационально избираемые действия, реализующие*

привычные схемы мышления и деятельности. При помощи такой концепции практик создатель конструктивистского структуриализма французский социолог Пьер Бурдьё (1930–2001) стремился преодолеть односторонность объективизма, представляющего социальные отношения как независимую от индивидов реальность, и субъективизма, «не способного объяснить закономерность социального мира». В таких работах, как «Различение» (1979) и «Практическое чувство» (1980), Бурдьё показал, что социальные структуры «вне» индивида, данные в неодинаковом распределении материальных и символических благ, являются *объективированными* продуктами практик. *Инкорпорированными*, то есть находящимися «внутри» индивида, продуктами практик являются диспозиции – предрасположенности к определенному восприятию событий и к определенным образцам действий.

Система устойчивых диспозиций, структурированных прошлыми практиками и структурирующими последующие, получила в теории Бурдьё название «*габитус*» (от лат. *habitus* – свойство, привычка). *Габитус как набор усвоенных, но неосознаваемых схем восприятия и производства практик, является моделью, позволяющей объяснять спонтанность, импровизационность практик, не прибегая к идее рефлексивного и свободного субъекта деятельности, и воспроизводимость, устойчивость социального порядка, не прибегая к идее объективной детерминированности деятельности.* Индивиды конструируют социальные структуры, но это конструирование не является произвольным, оно предопределено теми социальными структурами, которые в процессе накопления жизненного опыта, воспитания, образования сформировали мыслительные и поведенческие установки индивидов.

Совокупность позиций, фиксирующих объективные различия, и диспозиций, определяющих субъективные оценки, образует *социальное пространство* – комплекс отношений, объединяющих и разделяющих агентов символически и физически. Символическое разделение – это разделение индивидов на категории, представители которых больше или меньше стремятся взаимодействовать друг с другом, больше или меньше похожи по образу жизни. Соответственно, эти категории «ближе» или «дальше» друг от друга в социальном пространстве. Символическое разделение

приводит к разделению физическому, когда жизнь представителей различных общностей (этнических, религиозных, профессиональных и т. д.) концентрируется в разных регионах, районах, кварталах, зданиях и т. п.

Внутри социального пространства формируются особые сферы практик – поля, каждое из которых является автономной по отношению к другим полям ареной борьбы за ресурсы и символическое признание. Автономность обусловлена тем, что успех – занятие доминирующей позиции в данном поле, экономическом, политическом, академическом и т. п., зависит от обладания специфическим *капиталом*. Наряду с экономическим капиталом (собственность, деньги), Бурдьё выделяет культурный (образование, воспитание) и социальный (происхождение, связи) капиталы.

Рис. 6. Модель социального пространства

Исторически складывающаяся конфигурация полей, то есть их соотношение в жизнедеятельности людей, задает относительный «вес» капиталов различного вида при определении позиций и формировании диспозиций агентов в социальном пространстве. В современном обществе, в котором экономическое поле (производство, потребление, бизнес, работа) доминирует над другими полями, экономический капитал более «весом», чем культурный капи-

тал, что предопределяет консерватизм большинства предпринимателей и рабочих и оппозиционность большинства интеллектуалов, образующих доминируемую фракцию внутри доминирующего слоя (см. рис. 6).

Конструктивистский структурализм, как и теория коммуникативного действия, и теория структуризации, хорошо описывает и объясняет явления «на стыке» макросоциального и микросоциального уровней. Но интегративные парадигмы не устраняют дуализм в решении дилемм «структура или действие», «факты или смысл», «объективизм или активизм». Напротив, новые парадигмы, соединяющие концепции определяющей роли действия и концепции определяющей роли структуры, лишь умножают число альтернативных подходов и способствуют закреплению в социологии ситуации мультипарадигмальности.

Оригинальный вариант решения проблемы интеграции макро- и микросоциологических парадигм, а также объективистских и активистских парадигм представлен в *теории самореферентных систем*, разработанной немецким социологом Никласом Луманом (1927–1998). Эту интеграцию можно назвать «негативной», поскольку Луман предложил не соединение понятий структуры и действия, а отказ от обоих понятий в пользу новых концептуальных средств описания и объяснения социальных явлений.

Подход, сформулированный Луманом в работе «Социальные системы» (1984), основывается на представлении об обществе как о *системе, элементами которой являются коммуникации – операции, уменьшающие сложность*, то есть сложность, неопределенность в процессе совместной жизни людей. *Система существует как процесс разграничения «области менее комплексного» – самой системы – и «области более комплексного» – окружающей среды системы*. Коммуникация – это операция, производящая различие сообщения, информации и интерпретации. Посредством коммуникации действия и предметы отграничиваются в качестве носителей информации от нее самой, то есть от содержания сообщения, а содержание – от придания ему смысла и оценки, то есть от принятия или отклонения сообщения. Таким образом, коммуникации поддерживают систему как социальный

порядок тем, что производят различие социального и несоциального и придают смысл и определенность событиям.

Луман выделил три уровня формирования социальных систем: интеракция, организация, общество. *Интеракция* – это взаимодействие, обусловленное присутствием и непосредственным восприятием участниками друг друга. Интеракционные системы обеспечивают возможность простых и недолговечных коммуникаций. *Организация* – это объединение, складывающееся на основе формализации участия (членства) и правил коммуникации. Организационные системы обеспечивают возможность продолжительных коммуникаций, но только для тех, кто является членом и выполняет правила. *Общество* – это всеобъемлющая социальная система, которая включает в себя все формы интеракции и организации. Общество обеспечивает повсеместную (в любой ситуации) возможность коммуникации.

Концепция социальной системы, образуемой коммуникациями, исключает применение традиционных понятий «действие» и «структура». Согласно теории Лумана, человек в качестве живого существа (организм) и в качестве мыслящего и деятельного существа (личность) оказывается за пределами системы. Социальность явлений определяется не тем, что они результаты действий людей, а тем, что эти явления приобретают смысл в результате коммуникаций. Это значит, что социальным может быть и то, чего люди не делали, например НЛО. Их существование в качестве реальных объектов проблематично, но существование их в качестве коммуникаций – предмета оживленных дискуссий – совершенно очевидно. Нахождение человека как субъекта действия в окружающей среде системы не означает, что система представляет собой комплекс объективных структур. Социальность явлений определяется не тем, что они продукты структур (обычаев, норм, поведенческих образцов, распределения ресурсов и т. п.), а тем, что эти явления снижают комплексность внутри системы. Значит, социальным может быть и то, что не соответствует структурам, например обсуждение «запретных» тем или общение с «чуждыми» людьми, если такого рода сети коммуникаций проясняют ситуацию взаимодействия, упрощают функционирование организации или упорядочивают устройство общества.

Социальная система является операционно закрытой системой. Операционно закрытая система воспроизводится исключительно из собственных операций, и внешние события не являются «вводами» (inputs) в систему. Воздействия из окружающей среды сами по себе не проникают в систему. Однако эти события изменяют комплексность окружающей среды и, таким образом, служат раздражителями для системы, которая воспроизводится в процессе отграничения себя от окружающей среды. Система улавливает эти события и воспринимает как раздражения потому, что существуют *структурные соединения* – координирующие связи между процессами в окружающей среде и процессами в системе. В случае социальной системы структурное соединение с окружающей средой обеспечивает язык, служащий средством обозначения и наделения смыслом природных явлений и состояний человеческого сознания. При помощи языка события в окружающей среде представляются внутри социальной системы в форме, пригодной для их распознавания в качестве раздражения, на которое система реагирует собственными операциями – коммуникациями, способными снизить возникшую комплексность, то есть поддержать границу «система / окружающая среда».

Например, с точки зрения социолога, «изменение экологической ситуации» – это не серия природных процессов, а сеть коммуникаций, появляющихся в обществе как специфическая реакция операционно закрытой системы на процессы в окружающей среде. Операционная закрытость системы проявляется в том, что операции, поддерживающие общество, производятся из предшествующих операций системы – политических, экономических, научных, бытовых коммуникаций, а не из продуктов физических, химических и биологических процессов.

Операционная закрытость социальной системы – следствие самовоспроизводства (*аутопойесиса* в терминологии Лумана) системы. Коммуникации в системе производятся сетью коммуникаций и, в свою очередь, производят эту сеть как условие (ресурс) последующих операций системы. Аутопойесис обуславливает еще одно важное свойство социальной системы – *самореферентность*. Коммуникации являются одновременно операциями производства и описания общества. Таким образом, нет внешней референции

(от лат. *referens* – сообщающий), то есть нет внешней по отношению к системе инстанции, к которой можно обращаться за описанием общества. Общество – самоописывающая система. Социология – это не описание системы как объекта, это сеть коммуникаций, являющихся операциями самоописания и тем самым самовоспроизводства общества.

Теория самореферентных (аутопойетических) систем решает проблему «действие или структура» при помощи тезиса о том, что *коммуникации порождают коммуникации*, а проблему «объективизм или активизм» при помощи тезиса о том, что *описание системы является частью операций, создающих систему*. Теория Лумана хорошо описывает и объясняет современные процессы и явления, когда автономизировавшиеся системы – политика, экономика, право, наука, религия и т. д. – самовоспроизводятся на основе специфических коммуникаций. Их элементы – коммуникации – соотнесены исключительно друг с другом. Внутрисистемная коммуникация обеспечивается особыми символическими средствами (власть в политике, деньги в экономике, закон в праве, истина в науке, вера в религии и т. д.), а межсистемная коммуникация затруднена, поскольку каждая система реагирует на процессы в других системах весьма избирательно. Например, экономические проблемы представлены в политических коммуникациях лишь в той мере, в какой обсуждение этих проблем способствует воспроизводству системы власти; правовые проблемы представлены в экономических коммуникациях лишь в той мере, в какой законодательство можно использовать для достижения коммерческого и финансового успеха, и т. д.

Теория самореферентных систем, базирующаяся на понятиях коммуникации и операционной закрытости систем, не дает адекватных средств описания и объяснения неравенства и конфликтов, а также социальных изменений, вызываемых внутрисистемными, а не внешними по отношению к системе событиями. Поэтому, как и другие интегративные парадигмы, парадигма, основанная Луманом, не может полностью заменить созданные ранее парадигмы.

3.3. Теоретическая социология как дискурсивная формация

Вопреки усилиям Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё, Н. Лумана социология остается неинтегрированной на уровне общесоциологической теории. Разработка интегративных парадигм была нацелена на создание общесоциологической теории как *единой и логически непротиворечивой системы понятий и утверждений*, но эта цель не была достигнута. В социологии по-прежнему существует множество альтернативных исследовательских подходов и отдельных теорий. Другой вариант решения проблемы создания общесоциологической теории базируется на ином представлении о теории. В качестве общесоциологической теории рассматривается практически существующее *множество парадигм*, а сама теория определяется как «*дискурсивная формация*». Такой подход основывается на использовании идей постмодернистской социальной теории.

Постмодернистская социальная теория – исследовательский подход, базирующийся на концепции общества как совокупности *дискурсов* (от лат. *discursus* – рассуждение) – практик манипулирования знаками, которые формируют символические структуры, образующие для людей мир явлений и событий, воспринимаемых как социальная реальность. Образцом для социологов, придерживающихся постмодернистского подхода, служат работы замечательных французских мыслителей – историка и философа Мишеля Фуко (1926–1984) и социолога Жана Бодрийера (р. 1929).

В работах «Надзирать и наказывать» (1975) и «Воля к знанию» (1976) Фуко показал, что гуманитарное знание, то есть комплекс дискурсивных практик, представляющих человека как специфический объект изучения, исторически сформировалось как часть комплекса практик, названного Фуко «власть-знание». Власть-знание – это комплекс практик, нацеленных на «нормализацию» поведения людей, на дисциплинирование их тел, чувств, мыслей. Согласно Фуко, современное общество – это *дисциплинарное общество*, в котором власть повсеместна, постоянна и безлична. Власть исходит отовсюду и реализуется через повседневные практики надзора, тренировки, анализа и оценки индивидами своих действий и действий друг друга. Власть – это не атрибут

или занятие правительства, политиков, так называемых силовых структур. Отношения власти – это подвижная, изменчивая сеть позиций доминирования и подчинения, стратегий установления и поддержания неравенства. Школа, больница, фабрика в условиях дисциплинарного общества являются институтами власти. Педагогика, медицина, менеджмент – это дискурсивные практики, ставящие человека в центр внимания, и одновременно это «тонкие», в отличие от «грубого» принуждения, технологии подчинения людей. Преподаватель, врач, менеджер, внимательно и заботливо относящиеся к своим ученикам, пациентам, работникам, изучая и направляя их поведение, раскрывая и развивая их потенциал, тем самым занимают позицию доминирования. Их интеллектуальное занятие – это своего рода политика. Таким образом, знание, научный дискурс – это всегда стратегия власти.

Не только интеллектуальные и политические практики можно рассматривать как дискурсы внутри сети отношений власти. Бодрийяр в работах «Система вещей» (1968) и «Общество потребления» (1970) продемонстрировал, что символической, дискурсивной практикой является потребление. Вещи используются как знаки, когда символическое содержание важнее реальных качеств, функционального содержания. Например, расстановка мебели – средство создать «жилищный дискурс», сообщающий о социальном статусе хозяина, а модельный ряд, предлагаемый компанией, производящей автомобили, – средство создать «дискурс заботы», сообщающий о стратегии удовлетворения запросов клиентов. Система вещей предстает как беззвучная «речь», увещающая потребителей интегрироваться в социальную систему, обеспечивающую благосостояние и заботу об их интересах. Потребление как дискурс оказывается безличной стратегией власти, то есть стратегией системы, поддерживающей существующий порядок.

Таким образом, *постмодернистская схема «дискурсивные практики – стратегии власти» может служить универсальным инструментом анализа социальных явлений и процессов.*

Специфическое положение постмодернистской теории в современной социологии определяется тем, что в ней дискурсивные практики – это одновременно и объект и метод. *Постмодернисты*

создают не теорию как конечную совокупность логически связанных утверждений, а дискурс – открытую и изменчивую речевую практику, в которой понятия не фиксируются в виде однозначных терминов, а постоянно обыгрываются посредством выстраивания ассоциативных рядов. Само дальнейшее существование социологии в качестве дискурсивной практики и одной из стратегий власти, которая осуществляется как наблюдение и контроль за поведением людей, с окончанием культурно-исторической эпохи – модерна – ставится постмодернистами под вопрос. Бодрийяр в таких работах, как «В тени безмолвствующего большинства, или Конец социального» (1982) и «Иллюзия конца» (1992), написал, что социальное, по сути, мертво, но продолжается как симуляция, скрывающая за потоками знаков отсутствие реальных социальных действий. Идея «смерти социального» приводит к выводу о фактической «смерти» социологии, которая возникла как модернистская форма знания и должна исчезнуть с исчезновением своего предмета – социального – или превратиться в симуляцию реальной исследовательской работы.

Несмотря на это, нарочито вызывающий и метафоричный постмодернистский дискурс прошел адаптацию в социологии. В результате, идеи Фуко и Бодрийяра об определяющей роли в социальных процессах знаков / дискурсов закрепились в системе теоретической социологии в качестве специфической парадигмы. Эта парадигма игнорирует традиционные решения дилемм «действие / структура» и «объективизм / активизм» и сами эти дилеммы, рассматриваемые как наследие ушедшей эпохи – эпохи модерна. Для социологов, ориентирующихся на постмодернистскую теорию, различие макро- и микросоциологических подходов представляется неактуальным. Поэтому постмодернистскую социальную теорию условно можно отнести к разряду «интегрирующих» парадигм.

Постмодернистский подход к теоретизированию, альтернативный по отношению к традиционному социологическому подходу, тем не менее был использован известным американским социологом Дж. Ритцером для решения проблемы мультипарадигмальности в социологии. Ритцер, который рассматривает *мультипарадигмальность* как естественное состояние социологии, вы-

двинул тезис о том, что в современной социологии общая теория существует как дискурсивная формация. Эта дискурсивная формация характеризуется четырьмя основными чертами:

1) идентифицируется через ключевые фигуры (авторов), тексты, аналитические подходы;

2) конституируется вкладом из ряда дисциплин, включая социологию, политическую экономию, философию, психоанализ и лингвистику, феминистские исследования;

3) представляет собой скорее не фиксированную целостность – «канон», а практику, то есть она динамична, реинтерпретируема;

4) органично включает моральные оценки и политические позиции, в противоположность «строго научному» характеру традиционно понимаемой социологической теории.

Таким образом, с точки зрения Ритцера и тех, кто разделяет его идеи, в мультипарадигмальной науке, каковой является социология, нет общей теории в классическом ее понимании, но есть дискурсивная формация, которая выполняет все функции общесоциологической теории: обобщает и объясняет самые разные эмпирические данные, формулирует альтернативные исследовательские подходы и гипотезы.

3.4. Теоретическая социология как система теоретических моделей

Концепция дискурсивной формации отражает плюралистичность и динамичность современной социологии, но переоценивает значение мультипарадигмальности в социологии. *В действительности абсолютной или подлинной мультипарадигмальности в современной социологии нет.* Парадигмы, претендующие на момент своего возникновения на универсальность, в дальнейшем становятся теоретическими моделями, применяемыми тогда, когда их использование рассматривается как целесообразное в ситуации конкретного исследования. В этом отношении социология принципиально не отличается от других наук.

• В любой современной науке нет общей (универсальной) теории, но есть концептуальный порядок – *система теоретиче-*

ских моделей, каждая из которых служит адекватным средством описания и объяснения явлений и процессов в области, определяемой граничными условиями.

Примером такого рода систематизации теоретических моделей (парадигм) может служить ситуация в современной физике. Классическая механика, основывающаяся на принципах, заложенных еще Исааком Ньютоном; квантовая механика, базирующаяся на постулатах Нильса Бора; релятивистская механика, разработанная Альбертом Эйнштейном, являются различными парадигмами. Но каждая из этих теоретических моделей физических явлений применяется в четко определенных границах. Граничными условиями являются скорость и размер объектов. Релятивистская механика применяется *только* к описанию и объяснению физических процессов, протекающих со скоростями, близкими к скорости света. Квантовая механика применяется *только* к описанию и объяснению физических явлений, возникающих на уровне микрочастиц. Таким образом, новые парадигмы не исключают утвердившиеся ранее, а ограничивают их применение и дополняют систему теоретических моделей.

В современной социологии нет столь же строго заданных (в виде количественных параметров) граничных условий. Но они существуют, и современные исследователи на практике их придерживаются. Описание различных социологических парадигм, как это сделано в данной главе, в терминах достоинств (возможностей) и недостатков (ограниченности) может рассматриваться, в первом приближении, в качестве определения такого рода граничных условий. Социологи располагают не просто совокупностью парадигм, а *системой теоретических моделей* (см. рис. 7).

В данной системе граничные условия устанавливаются, во-первых, предметную область, в которой данная теоретическая модель может быть адекватным инструментом исследования, и, во-вторых, круг задач, для решения которых подходит данная теоретическая модель. Соотношение предметных областей, в которых применимы различные парадигмы, можно продемонстрировать на уже не раз приведенном выше примере социологического изучения образования.

	объективизм	активизм
«реализм» (макросоциология)	<ul style="list-style-type: none"> • структурный функционализм (Парсонс, Мертон) 	<ul style="list-style-type: none"> • исторический материализм (Маркс) • критическая теория общества (Хоркхаймер, Маркузе, Адорно)
	<ul style="list-style-type: none"> • теория коммуникативного действия (Хабермас) • теория структуризации (Гидденс) • структуралистский конструктивизм (Бурдьё) • теория самореферентных систем (Луман) • постмодернистская теория (Фуко, Бодрийяр) 	
«номинализм» (микросоциология)	<ul style="list-style-type: none"> • теория социального обмена (Хоманс, Блау) • теория рационального выбора (Коулмен) • символический интеракционизм (Мид, Блумер, Гоффман) • феноменологическая социология (Шюц, Бергер, Лукман, Гарфинкель) 	<ul style="list-style-type: none"> • социальный акционализм (Турен)

Рис. 7. Модель систематизации социологических парадигм

Если предметом исследования является общая тенденция развития образования (с точки зрения того, как строится процесс обучения, как распределяются необходимые ресурсы, какого типа люди дают и получают образование и т. п.) или характер взаимосвязей между процессами обучения, подготовки специалистов и процессами экономическими, политическими и т. д., то адекватными предмету будут макросоциологические парадигмы: структурный функционализм, исторический материализм, критическая теория. Макросоциологические парадигмы дают необходимые концептуальные средства, если исследователь должен ответить на

вопрос, как строится образование *в стране* (или даже в мире). Однако полученный с помощью макросоциологического подхода ответ не может служить ответом на вопрос, как организуется процесс образования *в классе / аудитории*. Макросоциологическая модель выявляет общую тенденцию, то есть определяет, что происходит в среднем в большинстве ситуаций, но такая модель не может точно определить, что происходит в каждой конкретной ситуации.

Если предметом исследования являются межиндивидуальные взаимодействия в процессе образования, на характер которых влияет не только то, по каким правилам строится процесс обучения, как распределяются необходимые ресурсы, какого типа люди дают и получают образование и т. п., но и то, как складывается конкретная ситуация взаимодействия, как она воспринимается и оценивается участниками взаимодействия (преподавателями, администраторами, учащимися, членами их семей и пр.), то адекватными предмету будут микросоциологические парадигмы: теория социального обмена, теория рационального выбора, символический интеракционизм, феноменологическая социология, социальный акционализм. Микросоциологические парадигмы дают необходимые концептуальные средства, если исследователь должен ответить на вопрос, что происходит *в классе / аудитории*. Но полученный в рамках микросоциологического подхода ответ не может служить ответом на вопрос, что происходит *в стране* (и тем более в мире). Микросоциологическая модель определяет, что происходит в той или иной ситуации межиндивидуального взаимодействия, но такая модель не может точно определить совокупный эффект и взаимовлияние всех межиндивидуальных взаимодействий. Радикальные сторонники микросоциологических подходов (так называемого методологического индивидуализма) настаивают на том, что модель любого макросоциального явления в принципе можно получить путем агрегирования индивидуальных действий и их микросоциальных эффектов. Однако такая перспектива остается пока малореалистичной*.

* Логически безупречный, но практически неосуществимый подход методологического индивидуализма вызывает контраргументы, напоминающие ироничное высказывание, приписываемое основателю кибернетики Норберту Винеру

Если предметом исследования является воздействие условий (того, по каким правилам строится процесс обучения, как распределяются необходимые ресурсы, какого типа люди дают и получают образование и т. п.) на деятельность индивидов (преподавателей, администраторов, учащихся, членов их семей и пр.) в конкретных ситуациях их взаимодействия или обратное влияние деятельности индивидов на условия, то адекватными предмету будут интегративные парадигмы: теория коммуникативного действия, теория структуризации, конструктивистский структурализм. Интегративные парадигмы предоставляют исследователю необходимые концептуальные средства, если он должен ответить на вопрос, как организация образования *в стране*, с одной стороны, и представления об образовании и навыки взаимодействия индивидов, усвоенные *в классе / аудитории*, с другой стороны, формируют практику обучения в конкретном учебном заведении – *школе / университете*. Однако полученный с помощью интегративного подхода ответ не может служить ответом на вопросы, как строится образование *в стране* в целом и как организуется процесс образования в каждом *классе / аудитории*. Интегративная модель выявляет характер совместного влияния общих тенденций и условий (структур) и индивидуальных оценок и поступков (действий) на развитие серии взаимосвязанных ситуаций, то есть определяет частную тенденцию. Но такая модель не может точно определить, что происходит в среднем в большинстве ситуаций и что происходит в каждой конкретной ситуации.

Таким образом, многообразные теоретические модели, выступающие в современной социологии в форме парадигм, образуют систему, соотношение элементов которой устанавливает порядок выбора подхода к исследованию в той или иной предметной области. Точно также эта система устанавливает порядок выбора подхода для решения посредством исследования того или иного круга задач.

Если задачей исследования является точная фиксация существующего положения дел, то нужно беспристрастно описать и

ру: «В принципе даже человека можно передать по проводам. Но технические трудности, возникающие на этом пути, многократно превышают наши возможности».

объяснить его. Следовательно, адекватные задаче концептуальные средства могут предоставить объективистские парадигмы: структурный функционализм, теория социального обмена, теория рационального выбора, символический интеракционизм, феноменологическая социология. Но, констатируя факты и придавая смысл исследуемым явлениям, социологи, вольно или невольно, утверждают несомненность, оправданность и безальтернативность существующего положения дел. Научная ценность знания, полученного в рамках объективистского подхода, *ограничена* подтверждением реальности сложившегося порядка. Даже прогнозы и стратегии развития, разрабатываемые на основе объективистских парадигм, могут быть лишь *экстраполяцией*, то есть простым продолжением в будущее тенденций, зафиксированных в настоящее время.

Если задачей исследования является оценка степени несправедливости существующего положения дел и изменение его к лучшему, то нужно выявить силы, поддерживающие и подрывающие существующий порядок, и предложить стратегию действий тем, кто неудовлетворен этим порядком. Следовательно, адекватные задаче концептуальные средства могут дать активистские парадигмы: исторический материализм, критическая теория, социальный акционализм. Но, вынося оценочные суждения и способствуя изменению социального порядка, социологи сами обесценивают результаты своих исследований, предметом которых оказывается исчезающая, разрушаемая реальность. Научная ценность знания, полученного в рамках активистского подхода, *убывает* по мере того, как происходят изменения, которые входят в задачи исследования.

Научная ценность результатов, получаемых при помощи объективистских и активистских парадигм, социально дифференцирована, то есть *неодинакова* для различных социальных категорий: богатых и бедных, руководителей и подчиненных, привилегированных и дискриминируемых, консервативно и радикально настроенных в отношении сложившегося положения дел. То, что одними расценивается как научная истина, другими рассматривается скорее как идеологическая доктрина. Внутренне присущую парадигмам различных типов тенденциозность – тенденцию к консерватизму в объективистских парадигмах и тенденцию к ра-

дикализму в активистских – постарались преодолеть создатели интегративных концепций. Например, автор теории коммуникативного действия Ю. Хабермас в работе «Познание и интерес» (1968) выделил три типа познавательного интереса, каждый из которых определяет свою логику исследования.

«Технический интерес» – заинтересованность людей в эффективном контроле над вещами и процессами окружающего мира формирует подход к изучаемым явлениям как объектам, связанным в закономерную систему. Это логика эмпирико-аналитического исследования, и именно она лежит в основе позитивистски ориентированных социологических парадигм: структурного функционализма, теории социального обмена, теории рационального выбора. «Практический интерес» – заинтересованность в достижении взаимопонимания, «консенсуса» между взаимодействующими индивидами формирует подход к изучаемым явлениям как «текстам», которые необходимо интерпретировать с тем, чтобы понять их смысл. Это логика историко-герменевтического* исследования, и она лежит в основе интерпретативных парадигм: символического интеракционизма, феноменологической социологии. «Эмансипационный (от лат. *emancipatio* – освобождение) интерес» – заинтересованность в избавлении человека как субъекта мышления и деятельности от отношений зависимости, которые не являются необходимыми, формирует подход к явлениям как структурам власти / подчинения. Это логика критического исследования, и она лежит в основе активистских парадигм: исторического материализма, критической теории, социального акционализма.

Каждый тип познавательного интереса отражает потребность людей в определенном роде знания. Тенденциозность результатов исследования возникает, когда логика, диктуемая одним из познавательных интересов, абсолютизируется. Тогда нарушается «баланс» интересов. В социологии такой баланс поддерживается сосуществованием позитивистской социологии, интерпретативной социологии, критической социологии.

* Герменевтика (в букв. переводе с греч. «истолкование») – учение о правилах интерпретации текстов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведя систематизацию теоретических моделей, можно представить мультипарадигмальность как порядок разграничения сфер компетенции различных парадигм, которые сосуществуют на основе принципа взаимодополнительности. Каждая парадигма позволяет лучше, чем другие парадигмы, ответить на ряд определенных вопросов. Однако исследовать социальные явления всесторонне, наиболее полным образом можно, если используются различные подходы. Тем самым осуществляется рефлексия внутри социологии и снижается вероятность принятия тенденциозных результатов в качестве абсолютно истинных. Необходимость исследовать все возможные аспекты социальных явлений привела к возникновению сложной структуры современной социологии.

ТЕСТЫ

1. Что такое парадигма в науке?
 - а) господствующая в научном сообществе теория
 - б) принятый в научном сообществе способ постановки и решения исследовательских проблем
 - в) универсальная научная теория
2. Какая из данных парадигм является микросоциологической?
 - а) структурный функционализм
 - б) критическая теория общества
 - в) теория социального обмена
3. Какая из данных социологических парадигм относится к «активистскому» типу?
 - а) символический интеракционизм
 - б) теория социального обмена
 - в) критическая теория общества
4. К какому типу парадигм относится феноменологическая социология?
 - а) микросоциологические
 - б) макросоциологические
 - в) интегративные
5. Кто из данных теоретиков является автором концепции социального обмена?
 - а) Питер Блау
 - б) Джордж Хоманс
 - в) Герберт Блумер
6. В рамках какой из данных парадигм используется понятие «габитус»?
 - а) теория структуризации
 - б) структурный функционализм
 - в) конструктивистский структурализм

7. Кто из данных теоретиков ввел в социологию понятие «самореферентная система»?
 - а) Никлас Луман
 - б) Талкотт Парсонс
 - в) Юрген Хабермас
8. Какая из данных парадигм может быть названа интегративной?
 - а) теория социального обмена
 - б) теория рационального выбора
 - в) теория структуризации
9. Какие четыре функции образуют в теории Т. Парсонса схему AGIL?
 - а) адаптация, генерализация, интеграция, легитимация
 - б) адаптация, целедостижение, интеграция, поддержание образца
 - в) экономическая, политическая, социальная, культурная
10. Отношения какого типа образуют, согласно теории К. Маркса, «базис» общества?
 - а) политические
 - б) правовые
 - в) производственные

ЗАДАНИЕ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

Поупражняйтесь в анализе социальных явлений с применением различных парадигм на примере спорта. Спорт – особая сфера жизнедеятельности людей. Профессиональный спорт – это бизнес с огромными объемами инвестиций и доходов, события из мира спорта – тема сообщений средств массовой информации и обсуждения в повседневном общении людей, занятия спортом – важная часть образа жизни многих людей.

С точки зрения структурного функционализма спорт является частью социальной системы, поскольку вносит вклад в ее поддержание. Каковы функции спорта в современном обществе? Что можно считать дисфункциями спорта?

С точки зрения исторического материализма спорт является частью системы неравенства, по-своему отражающей классовую структуру. Как вероятность выбора индивидами определенного вида спорта зависит от их принадлежности к тому или иному социальному классу? Что можно считать проявлением классовой борьбы в сфере спорта?

С точки зрения символического интеракционизма спорт – комплекс процессов взаимодействия спортсменов, тренеров, болельщиков и т. д., поступки которых зависят от определения ими ситуации взаимодействия. Как ориентация на восприятие других участников спортивного мероприятия определяет действия спортсменов и болельщиков? При помощи каких символических средств (выражений, жестов, манеры одеваться и т. п.) индивиды поддерживают свою идентичность как «звезды спорта», «фанаты», «профессионалы», «любители» и т. п.?

Попробуйте, ставя таким же образом вопросы с точки зрения других парадигм, проанализировать спорт в терминах критической теории, теории социального обмена, феноменологической социологии.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основная

Масионис Дж. Социология. СПб., 2004.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.; М., 2002.

Дополнительная

Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб., 1999.

Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. М.; СПб., 1998.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.

Бурдые П. Социология политики. М., 1993.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003.

Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология. СПб., 2003.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

Луман Н. Социальные системы. СПб., 2003.

Маркс К. Социология: Сб. М., 2000.

Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

Монсон П. Современная западная социология. СПб., 1992.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.О. Боронова. СПб., 1994.

Современная западная социология: Слов. М., 1990.

Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998.

Фуко М. Воля к истине. М., 1996.

Учебное издание

Дмитрий Владиславович **Иванов**

ПАРАДИГМЫ В СОЦИОЛОГИИ

Учебное пособие

Технический редактор *Н.В. Москвичёва*

Редактор *Е.В. Коськина*

Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 13.09.05. Формат бумаги 60x84 1/16.

Печ. л. 4,5. Уч.-изд. л. 4,5. Тираж 100 экз. Заказ 440.

*Издательство Омского государственного университета
644077, г. Омск-77, пр. Мира, 55а, госуниверситет*